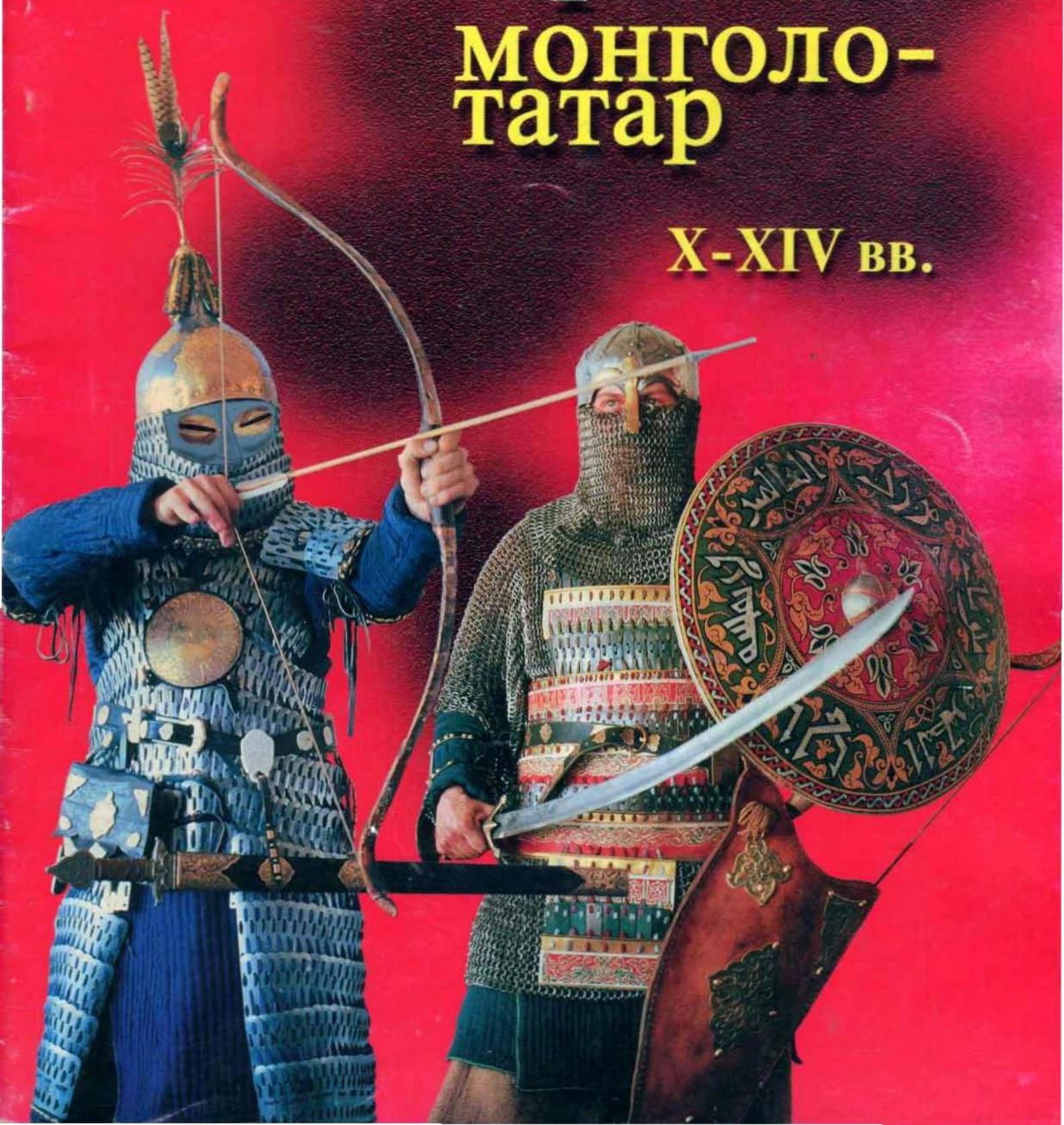

Михаил В.
ГОРЕЛИК

Армии монголо- татар

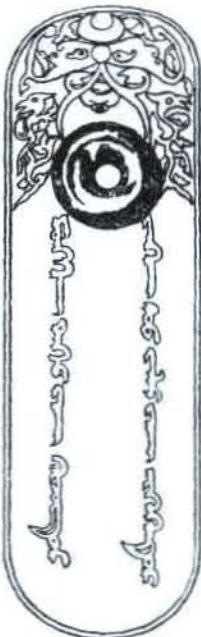
X-XIV вв.

Михаил В. ГОРЕЛИК

АРМИИ МОНГОЛО-ТАТАР Х-ХIV веков

ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО,
ОРУЖИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ

Москва 2002

ISBN 5-93848-002-7

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ТЕХНИКА-МОЛОДЕЖИ»

СЕРИЯ

Униформа армий мира

ГОРЕЛИК МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ

АРМИИ МОНГОЛО-ТАТАР

X-XIV веков

ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО, СНАРЯЖЕНИЕ, ОРУЖИЕ

Главный редактор *А.Н. Перевозчиков*

Выпускающий редактор *С.В. Иванников*

Корректор *Л.В. Емельянова*

Верстка *М.В. Климович*

Обложка *О.Ю. Коган, Р.Х. Фейзуллин*

Рисунки *М.В. Горелик*

© Горелик М.В., 2002 (текст, иллюстрации, обложка)
© ООО «Восточный горизонт», 2002 (оформление)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНГОЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН	5
ВРЕМЯ КИДАНЕЙ	6
Организация войска	6
Военное искусство	8
Костюм	10
Оружие	10
Доспех	12
Снаряжение боевого коня	13
ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ	14
ИМПЕРИЯ ЧИНГИЗИДОВ	16
Организация войска	16
Костюм	17
Оружие	18
Доспех	21
Снаряжение боевого коня	24
Оружие монголов на завоеванных землях	24
Военное искусство	28
ИЛЛЮСТРАЦИИ	32
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	83

На 1-й стр. обложки:

МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКСОВ
МОНГОЛЬСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ЗАПАДНЫХ УЛУСОВ

2-й половины XIII и середины XIV вв.

Разработка — М.В.Горелик; мастера — А.М.Горелик, П.А.Седнев, М.А.Антонов

МОНГОЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН

В память человечества надолго запали грандиозные и стремительные монгольские завоевания, так или иначе затронувшие едва ли не большинство стран Азии, а также Европы и даже севера Африки. Монголо-татарское владычество резко изменило ход истории Русского государства и его соседей, во многом повлияло на развитие всех сторон их жизни. Не удивительно, что интерес к «монгольскому феномену», так же как и споры по его поводу, нисколько не утихают с ходом времени.

К сожалению, в результате постановления ЦК КПСС 1944 г. именно в нашей стране научная работа по исследованию истории и культуры империи Чингизидов была свернута, саму эту культуру было велено считать ничтожной, эклектичной и паразитарной, а потому значения не имеющей. Только поистине геройческие усилия выдающегося исследователя истории и культуры Золотой Орды Г.А.Федорова-Давыдова удерживали планку штудий в этой области на высоком, традиционном для отечественной науки уровне.

Особенно трудно пришлось специалисту, занимающемуся военным делом, вооружением имперских монголов. Общее неодобрение монголо-татарской тематики соединялось здесь с установкой «борьбы за мир». Идеологи страны, перенасыщенной самыми современными видами оружия, косо смотрели на изучение средневековых мечей, луков и шлемов, если только эти мечи и шлемы не принадлежали воинству домонгольской Руси или Московии. Поэтому автор до сих пор слышит удивленные вопросы: «Неужели вы один занимаетесь монгольским оружием? Не может быть!». Может. Ибо эти занятия долгое время не сулили ничего, кроме помех и неприятия коллег, занимавшихся «правильной» тематикой. То же касается и единичных специалистов по другим отраслям культуры и искусства монгольских государств. ·

Но в конце концов, успехи археологов и ориенталистов, оружеведов и искусствоведов, прежде всего в СССР и КНР, смогли всесторонне прояснить «монгольский феномен», долго казавшийся чем-то мистическим. Были раскрыты впечатляющие достижения империи Чингизидов в прикладном искусстве и архитектуре, в искусстве управления и дипломатии, а главное — глубокая и мощная традиция военного дела Центральной Азии, развитие которого с древности дало столь неожиданные и потрясающие результаты. За последние годы у нас и за рубежом прошли поистине эпохальные выставки и выпущены роскошные каталоги-исследования результатов сенсационных археологических находок и не менее сенсационных новых осмыслений старых музейных коллекций. Теперь ясно, что монгольские ханы, покоряя народы силой оружия, затем и привлекали покоренных, в том числе поразительной красотой, роскошью и обаянием своего парадного быта. Ясно и то, что военная слава монгольских средневековых народов началась отнюдь не с Чингиз-хана, а почти тремя столетиями раньше — с киданей и татар.

Что касается данной книги, то поскольку она популярная, да и объем ее ограничен, пришлось, не снижая научного уровня, значительно облегчить материал и сократить объем специальных сведений. Интересующиеся могут познакомиться с ними в специальных научных публикациях автора — отечественных и зарубежных; там же они найдут и полемику с коллегами, и авторскую аргументацию.

Итак — в воинские станы степных рыцарей...

ОБ АВТОРЕ

М.В.Горелик родился в 1946 г. Получил среднее художественное образование, окончил исторический факультет МГУ, там же защитил кандидатскую диссертацию. С 1973 г. — научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор около 100 научных работ по истории оружия, военного дела, костюма, прикладного и изобразительного искусства народов Евразии древности и средневековья. Более 20 сезонов провел в археологических экспедициях.

Особенно известен Михаил Викторович научными реконструкциями комплексов воинского снаряжения древних и средневековых народов Евразии — графических, а с 1979 г. — и материальных. Реконструкции, выполненные под его руководством, хранятся во многих отечественных и зарубежных музеях. Удостоен премии «Ника» за работу художника по костюмам в многосерийном художественном фильме «Ермак». Член Российской академии краеведения.

ВРЕМЯ КИДАНЕЙ

Источники донесли до нас сведения о военном могуществе протомонголов — ухуаней и сяньби — еще в первые века нашей эры. Закованные в железные латы вместе со своими боевыми конями, сяньбийские копейщики, а также легковооруженные конные лучники принесли своим повелителям власть над Центральной Азией и Северным Китаем. С VI в. гегемония в этих регионах надолго перешла к тюркским племенам. Но в X в. на арену истории вышли кидани. Тогда эти кочевые племена населяли Южную и Западную Маньчжурию. Язык их относят к южно-монгольской группе, которую ныне представляют дахуры Приамурья. Кидани были известны китайцам еще в IV в. н.э. В VII—IX вв. они подразделялись на двенадцать племен, два из которых позднее распались. С VII в. племена объединились в конфедерацию во главе с правящей династией из рода Дахэ. Свой правитель имелся и у каждого из племен. Постепенно из этнических групп они превращались в территориальные единицы. Свои войлочные юрты во время перекочевок кидани ставили на повозки. На стоянках жилища располагали по кругу, с юртой главы рода в центре. В свою очередь, этот круг обводился кольцом повозок, надежно защищавшим от внезапного набега соседей. Такое устройство лагеря по-монгольски называется курень. Самыми большими и богатыми были курени правителей племен. Ставка племенного вождя охранялась дружиной, которая со временем превратилась в гвардейский отряд в 500 воинов. А все войско киданьской конфедерации насчитывало около 40 000 бойцов — дружиныников-гвардейцев и ополченцев. Несмотря на такую численность, армия киданей до X в. обладала, видимо, невысокой эффективностью. Об этом говорит факт почти постоянной — с VII в. — подчиненности киданей сначала древнетюркскому каганату, потом уйгуром, позже — кыргызам. Причина, видимо, в том, что конфедерация киданьских племен не отличалась стабильностью и сплоченностью. «Заявленная» численность существовала скорее в теории, чем на практике. А если такое войско и собиралось, то вряд ли надолго, да и без централизованного командования. Ситуация резко изменилась в первое десятилетие X в.: хан Амбагян из знатного рода Елюй сверг правящую династию Дахэ и объединил киданьские племена в монолитное государство. Себя он провозгласил каганом — императором. За три десятка лет новая империя захватила гигантские пространства от Приамурья и Приморья на северо-востоке до тангутских пустынь на западе. К 940 г. был захвачен север Китая с главным городом Бэйцзином (современный Пекин). Империя получила китайское название Ляо — «железная».

Организация войска

Ляо была действительно железной военной державой. Армию называли «щитом государства». А основная государственная доктрина выражалась просто: «Государство в военном деле полагает основой любовь к народу. Народ богат — воинов много. Воинов много — государство неколебимо». Ядром военной машины киданьской империи была гвардия

«живота и сердца» — корпус личных императорских воинов, располагавшийся непосредственно в императорской ставке. Корпус этот, называвшийся ордо, насчитывал вначале около 2000 бойцов, а позже вопрос почти до 100 000. Ордо представлял собой тяжеловооруженную конницу, формированную из лучших — сильнейших, храбрейших и надежнейших

воинов всех киданьских племен. Постепенно в нее стали включать и наиболее выдающихся воинов из числа пленных, а также подчиненных китайцев и бохайцев. Личный состав ордо, его качественный уровень тщательно контролировался: ведь на нем лежала ответственность за безопасность часто кочующей ставки владыки империи.

Со временем, из-за неразрывной связи ставки императора и ее охранного корпуса термин «ордо» в монголоязычной среде стал покрывать оба эти понятия. Экономически ордо был достаточно самостоятельным: он обладал собственной казнью из награбленной в войнах добычи. Но в случаях экономических затруднений каган не жалел и собственных средств, и средств имперской казны для снабжения гвардии деньгами, зерном, лошадьми и т.п.

С открытием военных действий ордо мобилизовывался первым, со скоростью, вызывавшей удивление иноземцев. Разумеется, поскольку полная численность ордо была столь большой, то лишь часть его находилась при ставке, а во время войны образовывала самостоятельную воинскую единицу, постоянно находившуюся при особе императора. Значительная часть ордо действовала в виде территориальных подразделений, неся охрану ставок местных правителей — обычно принцев крови из рода Елюй или мужей принцесс этого рода, а также образуя ядро местных военных формирований.

Нерегулярные воинские формирования империи Ляо состояли из двух компонентов: ополчения собственно киданьских племен и, позднее, — ополчений покоренных народов. В последнем случае использовались прежде всего китайцы и бохайцы: покоренные кочевники были малонадежны и плохо контролировались, а из многочисленных оседлых китайцев и бохайцев удавалось формировать пехотные, инженерные части, а также конницу, особенно тяжелую. Правда, на первых этапах после оккупации севера Китая местные жители полностью отстранились от возможности воевать: им даже запрещалось делать луки и заниматься военной тренировкой — облавной охотой и игрой в конное поло. Да и позд-

нее это население оставалось безоружным в мирное время. Оружие выдавалось ополченцам только из казенных арсеналов и только с объявлением войны. Тем не менее численность вспомогательной армии оказывалась при необходимости огромной — от нескольких сотен тысяч до миллиона, так как каждая семья при мобилизации должна была отправлять в армию двух мужчин.

Вся масса киданьских войск была учтена военным ведомством империи, и все воины в возрасте от 15 до 50 лет были занесены в специальные мобилизационные книги.

Военные действия кидань отрывали торжественными ритуалами. Сначала в жертву духам Неба, Земли и Солнца приносили светло-серого быка и белую лошадь. Потом следовали жертвы духам предков, а также знаменам. После этого изготавливались 200 серебряных пластинок, которые особые курьеры развозили по мобилизационным пунктам: пластинки служили мандатом и сигналом к мобилизации. Возвращавшийся курьер сдавал пластинку — вместе с распиской в ее получении — лично императору.

Воины, прибыв на сборный пункт, дожидались, пока их найдут в списках и сделают отметки о прибытии. После проверки наличия войска выстраивались, и местные командиры с присланным императором военным чиновником осматривали оружие и снаряжение. Каждый отряд получал знамя и барабан, которые считались святынями военной части, их потеря была страшным бесчестием.

Затем все войска сводились в один традиционный пункт сбора — в местности, называемой Юваньин. Там император лично устраивал смотр войск и назначал одного из военачальников главнокомандующим с титулом юваньсувай. Ему вручались знамена и обоюдоострый меч, он командовал всем войском и центром. Как каждое войско кочевников, киданьская армия, кроме центра, имела еще правое и левое крылья. Командующие крыльями имели титул дутун.

Если император сам не отправлялся на войну, устраивалась специальная церемония. В одном из пунктов вдоль пути следования войск выстраивали пригово-

ренных к смертной казни. Всадники, прокакивая мимо, расстреливали их из луков. Аналогичная церемония проводилась и при возвращении войск, только в этом случае преступников заменяли военнопленные.

Киданьская армия делилась на части по десятеричной системе. Отряды самые малые — в 5 человек — сводились в десятки, те — в сотни, 6—7 сотен составляли полк. 10 полков образовывали «дивизию» — дао, 10 дао — «крыло». Во время похода войско при-

крывалось 30-тысячным соединением из отборных воинов. Авангард состоял из 3000 опытных и стойких копейщиков. Со всех сторон войска на расстоянии 20 ли (порядка 10 км. — Ред.) рыскали разведывательные отряды по 10 человек.

Особо усиленной была охрана лагеря, поскольку он не укреплялся сколько-нибудь серьезно. 10 000 воинов посменно несли караульную службу на расстоянии 20 ли от лагеря со всех сторон.

Военное искусство

Поведение киданьской армии на территории противника отличалось исключительной жестокостью. Кормилось войско всегда и прежде всего за счет ограбления запасов местного населения. Более того, после реквизиции продовольствия провиантские отряды вырубали сады, вытаптывали поля и totally уничтожали мирных жителей, включая женщин и детей, расстреливая их из луков и пращей, забивая срубленными тут же жердями. Для осадных работ использовали грушевые, тутовые и каштановые деревья садов, а также толпы захваченных здесь же мужчин, которых гнали перед собой во время осад и штурмов.

Как всякое конное войско, армия киданей предпочитала осадам городов полевые сражения. В них применялись все основные принципы, которые веками использовали и совершенствовали кочевники: внезапное нападение, дабы застигнуть врага на марше, не построившимся для боя, разгром противника по частям, для чего использовались ложные отступления, засады и т.п.

Огромное значение придавалось психологической обработке противника с целью сломить его боевой дух. Для этого специальные агенты распространяли панические слухи, для того же применялся и тотальный террор против пленных и мирного населения. Существовали и специальные запугивающие приемы: по пути следования вражеской армии, особенно ночью, жгли траву, зажигали многочисленные костры и факелы, создающие преувеличенное впечатление о численности киданьского войска.

Полевое сражение обычно разворачивалось следующим образом. Перед боем воины надевали вооружение на себя и своих боевых коней; поскольку во время марша все оружие везли в повозках, а на боевых коней не садились, то и всадники и кони были свежи и полны сил. Доставались из повозок и знамена. Перед основным сражением специальные отряды проводили разведку боем с целью выяснить количество воинов врага и его расположение. После этого старались окружить врага со всех четырех сторон.

Бой начинался атакой лучников, которая продолжалась до тех пор, пока противник не побежит либо не расстроит ряды. Затем вступали в действие копейщики и воины с мечами, совершившие разгром. Если противник проявлял стойкость, отряды лучников менялись; отдыхавшие в перерывах пили брагу. Когда уставали все лучники, противника держали в напряжении тем, что перед его строем гоняли с наветренной стороны взад и вперед коней с привязанными к хвостам метлами, так что в лицо, в глаза вражеских воинов летели тучи пыли. Чтобы добиться их изнеможения, кидани могли продолжать атаки лучников и два, и три дня. Разбитого противника старались уничтожить до конца, преследуя и вступая в бой с уже разгромленным и отступающим врагом.

Как во время полевой, так и во время осадной войны кидани старались захватить и перерезать пути сообщений, дабы расчленить войска противника, не позволить ему свободно доставать провиант, перебрасывать подмогу осажденным или другим своим частям.

Как ни претили киданьскимnomадам осадные военные действия, они вели их весьма квалифицированно. Разумеется, при любой возможности старались взять город быстро, не прибегая к долгим и громоздким осадным работам. Для этого делали ставку на внезапный захват налетом, либо приметили древнейший прием кочевников: укрыв в засаде основную часть войска, другую часть приводили к стенам и устраивали ложный штурм и ложное же отступление. Когда защитники открывали ворота и делали вылазку, свежие части стремительно выходили из засады и либо сразу врывались в город, либо набрасывались на вышедших защитников, громили их и входили в город на их плечах.

Если же город обладал сильными укреплениями, большим и хорошо вооруженным гарнизоном, необходимыми средствами жизнеобеспечения, и не собирался сдаваться, кидань проводили правильную осаду. Для этого город отрезался от всех путей сообщения. Одна треть войска занималась только вопросами изоляции как от гарнизона, так и от внешнего нападения. Часть войск занималась опустошением окрестностей: постройки сносились, продовольствие и скот реквизировались, а частично уничтожались, деревья вырубались и доставлялись для осадных работ. Мирное мужское население также пригонялось для осадных действий. Эти пленники работали носильщиками, под огнем защитников заваливали крепостные рвы, под присмотром специалистов изготавливали детали осадных сооружений, подтягивали осадные башни и метательные машины (построенные китайцами по китайским чертежам) к стенам городов. А когда начинался штурм, эти же мирные пленники, подталкиваемые киданьскими конями и палками, первыми лезли на стены под стрелы и камни своих же соотечественников, приводя их тем самым в замешательство. Любимым инженерным приемом киданей, направленным на разрушение как стационарных, так и полевых укреплений противника были, если позволяли условия, «гидротехнические мероприятия»: строилась

плотина и временный водоем, в нем накапливалась вода, после чего плотина разрушалась, и бурные потоки устремлялись на лагерь или крепостные стены врага.

Судьба защитников упорно оборонявшегося города обычно была ужасна: их поголовно уничтожали. Так что, как видим, исключительная жестокость, тотальный террор по отношению к противнику, язвленные миру в XIII в., не были прерогативой монголов Чингиз-хана, но были заложены тремя веками ранее.

Кидань умели не только разрушать чужие укрепления, но и создавать собственные. В качестве долговременных укреплений они строили равнинные крепости, квадратные или прямоугольные в плане, со стенами из утрамбованной земли, с угловыми башнями, несколькими воротами. Иногда внутри крепости строилась цитадель, а вот рвы рылись не всегда. Изредка, в силу природных условий, стены крепостных сооружений складывались из каменных плоских панелей и параллелепипедов, уложенных перемежающимися слоями, без раствора, но очень прочно.

На коренной территории киданей — в Маньчжурии — пространство внутри крепостных стен застраивалось, то есть это были города; на территории же Монголии это пространство либо частично заполнялось юртами, либо оставалось пустым: это были убежища в военное время.

Передвижная ставка императора, называвшаяся набо, также служила своеобразным полевым укреплением. В «Истории киданей» Е Лунли особенно подробно описана зимняя набо: «Императорская юрта была окружена крепкой оградой из копий, связанных волосами веревками. Под каждым копьем имелся черный войлочный зонт для защиты охранников от ветра и снега. За копьями стоял ряд небольших войлочных юрт. В каждой юрте — пять вооруженных человек... Для защиты всей ставки использовалось четыре тысячи киданьских воинов, которые группами в тысячу человек каждый день пополам несли караульную службу. За окружением запретного места ставились копья образовы-

вающие частокол. Ночью копья вынимались, переносились и ставились вокруг юрты, в которой спал император. За ежами из копий против конницы

противника выставлялись сторожевые посты и устанавливались сигнальные колокольчики для защиты в течение ночи».

Костюм

Благодаря китайской живописи на шелке и киданьским росписям на стенах гробниц, а также успехам китайской и монгольской археологии, мы можем сейчас ясно и подробно представить облик киданьского воина и все его боевое снаряжение. А в тексте китайской «Истории династии Ляо» описано полное «установное» снаряжение киданьского тяжело-вооруженного всадника, поэтически называвшегося «железным коршуном».

Согласно этому тексту, «каждый имел доспех из девяти предметов, седло, узду, железные или кожаные, в зависимости от силы животного, доспехи для коня, 4 лука, 400 стрел, пику, дротик, булаву, топор, сложное древковое оружие, меч, флагшток для копья, молоток, шило, нож, огниво, лохань, чтобы поить лошадь, один дуо сухой пищи, мешок для нее, крюк, зонт из войлока и 200 чи веревки для связывания лошадей. Все это воины запасали самостоятельно». Имущество это везлось во время похода в повозках.

Изобразительные и вещественные памятники позволяют конкретизировать этот перечень.

Киданьские мужчины, в том числе и воины, носили поверх распашной белой или крашеной рубахи длинные узкие халаты с длинными узкими рукавами. Халаты имели круглый ворот и глубоко запахивались на правую или левую сторону. Халаты шились всегда из однотонных тканей нейрких цветов — серого, красно-

коричневого, черного, темно-зеленого. Широкие штаны были обычно белого цвета. На ноги надевали войлочные чулки, закрывающие колени, и кожаные черные или войлочные белые и серые сапоги до колен с очень широкими голенищами. Иногда на пояснице носили нечто вроде широкого мягкого войлочного корсета, имевшего внизу две набедренные лопасти. Такая деталь костюма была очень популярна уnomадов Евразии с середины 1 тысячелетия н.э. и дожила до XIX в. у киргизов под названием бельдек. Бельдек мог окаймляться мехом, а у богатых — целиком шиться из дорогого меха. Голову покрывали маленьким тугим черным платком или невысокой четырехугольной шапкой с меховой оторочкой.

Мужская прическа киданей «туфа» очень выразительна: голова брилась сверху и сзади, спереди оставлялась челка, а на висках более длинные волосы заплетались в две косички, которые носили за ушами, или перед ушами, подобно ортодоксальным иудеям. Иногда выбивали все, кроме кос. Большинство носило только усы, некоторые — бороду или бакенбарды.

Важнейшим элементом снаряжения киданьского воина был пояс — кожаный ремень с металлическими бляшками, форма и материал которых говорили о социальном статусе его носителя. Наряду с кожаными носили и пояса из плотно сотканных полос ткани.

Оружие

Основным оружием киданей, употреблявшимся практически всеми воинами, был лук. Киданьский лук имел очень крупные размеры, составлялся из прямой деревянной, обложенной костью рукояти, сильно изогнутых плечей, склеенных из нескольких слоев дерева, роговой полосы и слоя сухожилий под

ней, и длинных, почти прямых рогов, обложенных kostяными пластинами. Плечо лука снаружи оклеивали берестой, мехом либо тонкой кожей.

Стрелы имели довольно крупные стальные наконечники весьма разнообразных форм. Но в принципе, их можно разделить на два основных типа —

плоские и объемные. Плоские количественно преобладали и имели в основном форму узкого долота с ровным или округлым краем, либо были двурогими. Такие стрелы причиняли большие раны и предназначались для стрельбы по незащищенным объектам. Объемные наконечники обычно имели острие, были гранеными или трехлопастными. Их применяли для поражения противника в панцире — чтобы попасть в незащищенную точку либо пробить стеганый или кожаный доспех. Под наконечником нередко помещали роговую свистульку, так что при полете тысячи стрел издавали леденящий душу вой.

Налуч, сделанный, как правило, из меха, имел форму половины лука с надетой тетивой. Лишь один раз встречается изображение архаичного для киданьской эпохи налуча в виде мягкой меховой трубы, в которой лук хранился со снятой тетивой. Колчаны киданей почти во всех случаях показаны в виде плоского прямоугольного футляра, в котором стрелы помещены оперением вверх и выступают не менее чем на половину длины. Подвешивался такой колчан дном вперед и шился почти всегда из меха. Прикрепленный к его верхнему углу длинный хвост кончачьего хищника служил разделителем разнотипных стрел.

Этот тип колчана резко выделяет киданей из окружающих народов, где был распространен другой тип — длинный узкий футляр, полуовальный в сечении, расширяющийся книзу, с дном, направленным назад; в таком колчане стрелы располагались оперением вниз, и умещались в нем целиком. Только раз подобный колчан изображен на киданьском воине, но и тут он выделяется своими узкими пропорциями, пышной меховой оторочкой, круглой формой кармана устья. Еще с середины I тысячелетия н.э. весь комплект для стрельбы из лука носился на специальном «стрелковом» поясе, застегивавшемся, как правило, на крючок. Хотя, похоже, кидани не всегда строго держались этого обычая, порой помещая на одном поясе со стрелковым комплектом и клинковое оружие.

После применения оружия первого удара — стрел, в бой вступало оружие второго удара — копья. Все киданьские копья обладали наконечниками, специ-

ально приспособленными для удара конника по защищенному панцирем противнику: они имели узкие вытянутые пропорции, треугольное, ромбическое или почти квадратное сечение. Встречаются наконечники в виде узкого долота. Иногда наконечники имели кольцо-ограничитель на втулке — чтобы легче было выдергивать из тела поверженного врага. Нижний конец древка копья снабжался острым подтоком — для втыкания копья в землю. Пешие воины, особенно из охраны ставок правителей, использовали сложное древковое оружие — двурогие вилы, боевые трезубцы, алебарды, глефы-совни.

Во время внезапного налета, короткой стычки всадники использовали короткие метательные копья — дротики. Киданьские дротики имели острые наконечники пирамидального силуэта, в сечении квадратные и круглые.

Оружием третьего этапа боя — руконашной схватки — киданям служили мечи и булавы. Судя по археологическим находкам и изображениям, киданьские мечи имели длинный прямой клинок с двумя параллельными лезвиями, заостренный на самом конце. Сечение клинка — в виде плоского ромба или линзы. Применяли и однолезвийные мечи. Перекрестье имело вид плоской горизонтальной вырезной, иногда очень толстой, пластины овальной формы. Клинок под перекрестьем и рукоять над ним по дальневосточной традиции нередко оковывали металлическими обоймами. Навершие имело вид смыщенного стаканчика со слегка выпуклым донышком или сложную сердцевидную форму. Деревянные ножны обтягивались обычно черной кожей и имели оковки-обоймы под устьем, для подвески, и наконечник.

Исключительно популярным и почетным оружием у киданей была булава. Она служила, в частности, оружием личной охраны правителей, придворных высокого ранга. Булава знати отличалась очень длинной — до 1,5 м — рукоятью. Несомненно, она являлась, кроме собственно оружия, еще и символом власти. А столь длинное ее древко указывает, видимо, на определенную связь с традиционным китайским оружиемшу — булавой с древком в рост человека. В китай-

ском сочинении «Яньбайлу» говорится, что булава киданей, которая на их языке называлась фаду, делалась из восьми полос железа, образующих пустотелый шар. Рукоять из ивы достигала в длину около 3 чи.

На изображениях мы видим именно такую булаву, с тем уточнением, что полосы, составляющие навершие булавы, имеют вид выпуклых линз. Что же касается археологических материалов, то раскопки принесли нам небольшой сплошной желез-

ный шар на конической втулке, а также вытянутую железную грушу, где округлый сплошной верх был ударной частью, а узкий пустотелый низ — втулкой. Найден и боевой цеп — длинная железная трубка с маленькой граненой головкой, крепящаяся на ремне при помощи заклепки.

В походе, а также на последних стадиях боя — чтобы прикончить раненого врага — кидань широко использовали длинные и короткие боевые ножи.

Доспех

Пластинчатый киданьский доспех известен нам по немногочисленным археологическим находкам и прекрасным подробным изображениям в китайской живописи, а также по каменным рельефам. Лучшие изображения мы находим на свитках — копиях картины художника сунской эпохи Цай Яньчжуна на темы знаменитой старинной поэмы ханьской придворной дамы Цай Ваньчжи «18 жалоб», а также на копии минского живописца Цю Ина с картины сунского художника Сяо Чжао «Возрожденные надежды и счастливые предзнаменования» с изображением киданьского военного лагеря.

Структура киданьских панцирей в подавляющем большинстве случаев была ламеллярной и ламинарной. Преобладала ламеллярная — из вертикальных прямоугольных пластинок, связанных ремешками или тесемками, прорезанными через отверстия — по 6–15 в каждой пластинке. Пластиинки делались из железа или стали, а также из толстой твердой, иногда склеенной в несколько слоев, кожи. Кожаные пластинки всегда, а железные иногда покрывались от сырости и для красоты черным или красным лаком. В панцирях знати железные пластинки золотились.

Ламинарная структура отличалась тем, что горизонтальные полосы, образующие панцирь, не состоялись из вертикальных пластинок, а были цельными — железными или, чаще, кожаными, также крытыми черным или красным лаком.

Покрой киданьского панциря не отличался разнообразием: основу его составляла кираса в виде высо-

кого корсета, состоявшего из нагрудной и на спинной половин, застегнутых по бокам и соединенных сверху плечевыми лямками. Киданьская кираса-корсет отличалась длиной, прикрывая тело ниже пояса.

Плечи и руки защищались двумя широкими и длинными лопастями прямоугольной формы. Обычно они достигали кистей рук (причем тыльная сторона ладони прикрывалась небольшим прямоугольным выступом) и крепились на теле ремнями, проходившими от верхних углов лопасти через подмышик противоположной руки, а также охватывавших руку в районе локтя и запястья. Ноги защищались также парой прямоугольных лопастей, которые верхними краями укреплялись на ремне, застегнутом на талии, под кирасой. Дополнительные ремни крепили поножи под коленями.

Таким образом, полный панцирь состоял из шести частей.

В редких случаях имелись варианты покроя: наплечники могли быть короткими — до локтя, и крепиться к наплечным лямкам, а лопасти, прикрывавшие ноги, иногда крепились непосредственно к подолу нагрудника кирасы, который в этом случае был короче, чуть ниже талии.

В единичных случаях встречается такая традиционная для Центральной и Восточной Азии деталь защитного вооружения, как широкий округлый, иногда с фигурно вырезанными краями, воротник-оплечье, который можно считать седьмой частью киданьского доспеха.

Киданьские шлемы, как и панцири, весьма однооб-

разны, причем сохранившиеся их изображения полностью совпадают с археологическими находками. Все они делались из четырех сегментов, на стыки которых накладывались узкие пластины с волнистыми краями. Навершия имело вид четырехлепестковой розетки. На изображениях навершия округлые или с чуть заметной выпуклостью в центре; у реальных шлемов они выпуклые, заостренные, увенчиваются чуть вытянутым шариком. По тулье шлема внизу пластины схвачены полосой стали. Один из найденных шлемов имеет наносник и прямоугольные надглазные вырезы. Бортик другого шлема немного отогнут наружу, образуя узкие поля.

Снаряжение боевого коня

Изображения и археологические находки дают достаточно полное представление о снаряжении и вооружении боевого коня киданей.

Киданьское седло имело вертикальную переднюю и отлогую заднюю луки. Формы передней луки разнообразны — арочная, усложненная арочная, в виде сужающейся кверху трапеции; форма задней луки — низкая арка. Характернейшая часть киданьского седла — огромные кожаные крылья асимметрично-ovalной формы. Они украшались вышивкой, аппликацией, крылись шкурой рыси и барса. В том месте, где терлись кожаные саноги всадника, на крылья наносились трапециевидные куски кожи.

Седла знали украшались накладками на передней и задней луке и на концах полок. Они делались из серебра, покрывались узорной чеканкой, гравировкой, по золотой. Седло крепилось на лошади при помощи под прути и нагрудного и подхвостного ремней. Нагрудный иногда имел спереди большую кисть, подхвостный украшался обычно свисающими ремешками на бедрах, или же свисающими кистями. К задним концам полок привязывались сквозь отверстия ремешки для подвешивания груза, охотничьей и иной добычи.

Стремена (с короткими пугающими, обеспечивающими высокую посадку) вначале имели овальную форму и выделенную лошадь с прорезью для пугающих

Купол шлема — восьмой элемент киданьского доспеха — дополнялся девятым, последним элементом — бармицей, состоявшей из четырех рядов ламеллярного набора.

Удивительно, но никаких свидетельств об использовании киданями щитов в имеющихся источниках не обнаружено.

В целом киданьское вооружение представляется функционально весьма эффективным и разнообразным, и одновременно высоко стандартизованным, что говорит о высоком уровне массового производства оружия.

Щита; позднее форма стремени приблизилась к трапеции, а прорезь делалась в ее верхней стороне. Подножка стремени имела всегда овальную форму.

Узда и вообще все ременное снаряжение киданьского коня украшалось с исключительной пышностью: в самых богатых вариантах это было сплошное покрытие из узорных серебряных, бронзовых, позолоченных блях, пряжек, бубенцов.

Конский доспех состоял из наголовника, одностороннего нашейника, защищавшего шею спереди и с боков и завязанного на гриве, попоны (защищавшей грудь и бока), которая держалась на корпусе коня при помощи двух ремней, перекрещенных на спине над седлом. Сзади прикреплялся пакрунник с двумя выступами внизу и лопастью над началом живота. Наголовник состоял из цельнокованного налобника с фигурно вырезанными краями, увенчанного плюмажем-веером из перьев или металлических либо твердых кожаных раскрашенных пластин, и полукруглых нащечников, набранных ламеллярным способом из пластинок. Все части конского панциря были ламеллярными, из железных или твердых кожаных пластинок, иногда покрытых черным или красным лаком. Все детали конского доспеха оторочены полосой ткани, кожи или пятнистого меха; оголовье оторочено по краям нащечников присборенной полосой ткани.

ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

В то время, когда кидани устремились на юг, на завоевание Китая, оставив в Монголии только более или менее крупные гарнизоны, их монголоязычные соседи с северо-запада — татары, собственно монголы, керенты, меркиты, ойраты и другие двинулись из Приамурья в населенную тогда еще тюркоязычнымиnomадами Монголию. За 200 лет бывшие жители приамурских долин, сопок, лесов полностью освоились с чисто степным бытом, хотя и сохранили ряд традиций оседлого жилья, например, дома с отоплением при помощи керамических труб, проложенных от очага под устроенными вдоль стен лежанками — канами.

В XI–XII вв. среди монголоязычных племен наиболее заметную роль играли татары, расселившиеся вдоль всей китайской границы — по линии Великой Стены — от запада Маньчжурии до Восточного Туркестана и государства тангутов Си Ся. Там, на западе, они включили в себя массы местного тюркоязычного, но европеоидного по облику населения.

Татары не составили какого-либо политического единства, образовав цепочку из шести самостоятельных «государств» обычного кочевнического типа. Общим у них осталось этническое имя, память о прежней родине в Приамурье, отношения с чжурчжэнской империей Цзинь на юге (обычно хорошие) и племенами монголов, оставшимися на севере (обычно плохие), а также ряд элементов материальной культуры.

Признаками татарского костюма были надетые поверх халатов с правосторонним запахом бельдеки в виде высокого — до груди — корсета из мягкого тонкого войлока или ткани, с плечевыми лямками, с завязками бантиками и без набедренных лопастей, низкие круглые шапки, отороченные лисьими, волчьими или рысьими хвостами, увенчанные длинными fazаньими перьями, стеганые круглые наколенники, привязанные к штанам, и сапоги с короткими, но очень широкими голенищами. Прическа напоминала киданьскую, хотя иногда косички за ушами завязывались кольцом.

Изображения вооруженных татар очень редки, но по ним можно видеть, что их клинковое оружие и доспехи были весьма «китаизированы» (именно из китайской

живописи мы черпаем сведения о внешнем виде татар). Очень оригинальны колчаны. По типу они схожи с киданьскими: короткие, плоскоovalные в сечении, стрелы уложены оперением вверх, устье колчана с хвостом-разделителем стрел направлено назад. Но делались татарские колчаны не из шкур, а из кожи, с металлическими накладками, и, главное — по китайской традиции еще эпохи Тан верхняя половина стрел, торчащая наружу, целиком обертывалась тканью.

Что касается собственно монгольских племен, то в 1130-е гг. значительная их часть объединилась под главенством хана Хабула из родовой группы Нирун в федерацию Хамаг Монгол. Хабул-хан попытался сблизиться с цзиньским двором, приехал с посольством в Бэйцзин, был удостоен высочайшего приема и подарков, но позже цзиньский император попытался уничтожить его. В ответ Хабул приказал перебить цзиньских послов, прибывших в его ставку. На это империя Цзинь ответила в 1137 г. отправкой против монгольского хана большой армии. Монголы применили обычнуюnomадскую тактику заманивания и обесиливания, после чего на реке Хайлар разгромили отступавшего без продовольствия противника.

Хану Хабулу наследовал, согласно номадической традиции, сын его старшего брата Амбагай-хан.

Усиление монголов вызвало не только вражду могучей империи чжурчжэней, но обеспокоило также татар, прежде всего восточных. И они предприняли совершенно предательскую, бесчестную акцию: пользуясь тем, что в степи еще процветали патриархально-демократические нравы и правители в частной жизни,

как рядовые кочевники, не имели особой охраны, татары захватили ехавшего на свадьбу сестры в один из татарских родов Амбагая и выдали его чжурчжэнам, которые в Бэйцзине казнили хана, прибив гвоздями к деревянному сооружению. Это вызвало состояние кровной мести монголов к татарам и чжурчжэнам. Новый монгольский правитель Хутула-хан, сын Хабул-хана и двоюродный брат Амбагая, совершил успешный поход против Цзинь, разбив пограничные войска и разграбив ряд провинций. Ответная акция чжурчжэней не имела успеха, и в 1147 г. был заключен мир, по которому Цзинь платила монголам дань скотом и зерном и отказалась от своих крепостей в Монголии. Но в 1161 г. объединенные войска чжурчжэней и татар разгромили вновь распавшихся к тому времени на отдельные племена монголов.

Мы не будем здесь излагать историю возвышения Чингиз-хана, его войн и войн его потомков — все это подробно освещено в огромном числе работ. Наша тема — история развития армий, их вооружения и снаряжения, их военного искусства.

Постоянные войны и, вместе с тем, теснейшие контакты, особенно военные, как с чжурчжэнами, так и с китайцами империи Южная Сун оказали основополагающее влияние на монгольскую культуру. У чжурчжэней были заимствованы самые популярные элементы декора, формы поясных блях, стиль вышивок и аппликаций костюма, а также резьбы по кости и дереву и гравировки по металлу. Из оружия были заимствованы некоторые типы клинков, копий и панцирей — опять-таки у чжурчжэней, а система осадной техники — и у них, и у китайцев. Причем на первых этапах с достижениями китайской техники монголов знакомили кидани — подданные и враги своих покорителей чжурчжэней.

* * *

Прежде чем перейти к подробным описаниям вооружения монголов, стоит, пожалуй, сказать, как и почему они стали «монголо-татарами».

Объединение всех монгольских народов было делом долгим и кровавым, исполненным самых чудо-

вищных интриг и предательств. Особенно упорной оказалась борьба Тэмучжина именно с татарами. Как уже говорилось, они давно стали кровными врагами собственно монголов (а затем — и самого Тэмучжина), и они же были тогда самым богатым и славным народом степей Центральной Азии. Недаром будущий Чингиз-хан получил при рождении имя знаменного татарского воина, побежденного и плененного его отцом: с именем богатыря мальчик должен был воспринять его храбрость и силу (для этого пленника принесли в жертву). Лишь объединив в 1205 г. всю монгольскую степь, Тэмучжин сосредоточился на операции против татар, и только после их разгрома был провозглашен великим всемонгольским ханом, получив имя-титул Чингиз.

Месть победителя кровным врагам вылилась в по-головное уничтожение татарских мужчин. Пощадили только мальчиков ростом не выше чеки тележного колеса. Данный факт, отмеченный в монгольских летописях, убедил поколения позднейших историков, что от этого народа осталось лишь имя, и «татары» послечингизовских времен не имеют ничего общего с настоящими. Действительно, и в Европе, и в Азии еще столетия спустя монголов упорно — по разным причинам — называли татарами. Китайцы же еще тогда, в XIII в., ввели уточняющий термин мэн-да (от мэнгу-дада) — монголо-татары.

Но дело в том, что собственно татары отнюдь не погибли полностью. Во-первых, части мужчин позволили спастись сами же царевичи-чингизиды, уступившие просьбам своих татарских жен. Во-вторых, оставшиеся в живых мальчики (учитывая высоту тележной чеки — около 1 м — в год татарского истребления им было по 8–10 лет) выросли, женились и произвели детей. В-третьих — и это главное — подверглось разгрому только одно из шести татарских ханств — самое главное, сильное и многолюдное, самое восточное, располагавшееся в районе озера Буйрнур в Западной Маньчжурии. Остальные пять ханств, вероятнее всего, сдались без войны. Вот откуда в войсках чингизидов XIII–XIV вв. оказались целые тумэны (десятитысячные соединения) татар.

ИМПЕРИЯ ЧИНГИЗИДОВ

Хотя в науке утвердилась мысль о том, что Чингиз-хан сломал племенную систему степных племен, превратив раскассированные по владениям осколки племен в чисто территориальные единицы, это верно лишь отчасти; на деле сложился компромисс между племенной и имперской системами. Осколки монголо-татарских и тюркских племен и племенных союзов в новых условиях просто переходили на более низкий иерархический уровень, становясь небольшими племенами или даже родами внутри вновь образованных государств-улусов. Но при этом они везде сохраняли свое старое племенное имя и, что самое важное, продолжали существовать как военно-административная единица, выставлявшая из своей среды конкретную воинскую часть — в зависимости от величины коллектива — сотню, тысячу или даже десять тысяч.

Организация войска

Как у большинстваnomадов, монголо-татарское войско строилось по десятеричному принципу. Низшим подразделением был десяток (арбан), 10 десятков составляли сотню (джагун), 10 сотен сводились в тысячу (минган), 10 тысяч составляли тумэн, 10 тумэнов — «знамя» (туг). Отдельной, совершенно самостоятельно действующей войсковой единицей, армией, считалось соединение из двух тумэнов.

Любое войско, опять-таки по nomадической традиции, делилось на три части: центр (кэль), правое крыло (барунгар) и левое крыло (джунгар). Хан имел собственное войсковое соединение — десятитысячный корпус личной гвардии кэшиг. Гвардейцы-кэшигten набирались прежде всего из детей знати, из самых сильных, храбрых, умелых воинов, победителей военно-спортивных соревнований.

«Тайная история монголов» приводит слова Чингиз-хана: «Прежде у меня было только восемьдесят человек ночной стражи (кэйтэул) и семьдесят человек телохранителей (кэшиг). Ныне... пусть наберут 10000 человек... Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должно набирать из людей сильных и свободного состояния, и избирать ловких, стойких и крепких. Сын тысячника приведет с собой обычно брата, да десять человек товарищей, сын сотника возьмет с собой одного брата и пять товарищей».

Привилегированное положение личной гвардии подчеркивалось и тем, что по рангу любой кэшигten был на ступень выше воина и командира того же чина полевых частей. Так, гвардейский рядовой был равен полевому десятнику, десятник — сотнику, сотник — тысячнику, и т.д.

Должности и чины в монгольском войске по традиции Чингиз-хана закреплялись за потомками командиров, которые таким образом становились феодальными владельцами воинов своей части и их семей. Начальники начиная с тысячника носили титул нойан — князь, или бег, а командиры тумэна и более крупных соединений могли быть ханами. При этом, особенно при самом Чингиз-хане, на командные посты, вплоть до самых высоких, могли выдвигаться простолюдины — за особые заслуги и таланты. Такими были лучшие и самые высокопоставленные полководцы Чингиз-хана — Чжэлмэ, например, был сыном кузнеца.

Чингиз-хан ввел в войске интендантскую службу, командиры которой назывались черби. Черби занимались снабжением армии пищей, одеждой, оружием, жилищем, снаряжением. Ведали они и хранением и распределением награбленной добычи, из которой доля хана составляла пятую часть и столько же — доля командира соединения.

Костюм

Облик монголо-татарского воина отличался оригинальностью. Особенно замечательна монгольская мужская прическа. Макушку и волосы над бровями выбивали, оставляя посередине, над переносицей, узкую и длинную, «ласточким хвостом» раздвоенную челку, а длинные волосы сзади заплетали за ушами в две, реже в четыре и даже шесть кос; последние всегда сворачивались в кольца и завязывались бантиками, а у знати — и нитками жемчуга.

Основной одеждой был довольно длинный — до середины голеней — халат дегель. Он имел косой — слева направо — запах и боковые разрезы снизу до верха бедер. Рукава — длинные, ниже кистей, и сужающиеся книзу, либо короткие и широкие. Поверх халата иногда надевали более короткий кафтан без рукавов или с короткими широкими рукавами, с квадратным воротом и прямым осевым разрезом, а также с разрезами по бокам. У богатых и знатных монголов эта одежда украшалась вышивкой, аппликацией, нашивными пластинками, жемчугом.

Декор составляло квадратное поле в центре груди (из него потом развился китайский знак чиновничего ранга — буфан), трапециевидные поля на предплечьях, и иногда круглые поля на плечах. Иногда декор имел вид обширного поля на плечах, груди и спине в виде четырехлепестковой розетки с фигурано вырезными краями. Поля заполнялись растительным узором в виде стеблей (по степной традиции) либо в виде цветов и побегов лотоса или маньчжурской астры (китайско-чжурчжэньский мотив). Столъ же любимым был чжурчжэньский сюжет пасущейся в саду лани, а также китайские драконы и фениксы.

Зимой носили длинную шубу мехом наружу (доха). На ногах — широкие штаны в сапогах с высокими голенищами, иногда расширявшимися кверху, с округлым выступом, закрывавшим колено. Обычно сапоги были из черной кожи, но встречаются и из белой замши. Сапоги знати делались из разноцветных кож, украшались аппликацией и вышивкой.

На пояснице монголы часто носили бельдек с набедренными лопастями, украшенный вышивками и аппликациями. Носили и бельдек-корсет татарского типа. Иногда его просто пришивали к халату, прокладывая между слоями ткани вату и простегивая все горизонтальными строчками.

Головным убором служила войлочная шапка. Чисто монгольский фасон представлял собой низкий круглый купол, узкий козырек и широкий длинный назатыльник. Над краями козырька пришивались свисающие лоскутки ткани. Знать носила также круглые шапочки с горизонтальными неширокими полями и иногда с матерчатым назатыльником. Носили и тюркские колпаки из четырех войлочных клиньев, со сплошными или разрезанными полями.

Головные уборы знати украшались металлическими навершиями, часто из драгоценных металлов, с камнями и жемчугом. Подбородный шнурок также выполнялся в виде низки жемчужин или полудрагоценных камней, как и свисавшая от навершия кисточка. У татар монголы заимствовали украшение шапки перьями, особенно фазаньими. Причем монгольские плюмажи, торчащие из трубочки в навершии (туда вставляли 1–3 пера цапли) и из двух трубочек по бокам навершия (с большими пучками фазаньих перьев) были исключительно пышны и элегантны.

Одним из основных показателей социального и имущественного положения монгола был его пояс. Он представлял собой кожаный ремень с набором металлических деталей — пряжкой, наконечником, двумя-тремя обоймами с петлей внизу для подвески клинка и сумки, а также рядовых бляшек. Материал бляшек — от железа и кости до золота и нефрита. Элементы декора — драконы, лотосы, роговидные стебли, лани в рощах. Конструкция пояса и его декор — в основном чжурчжэньского происхождения. Пояс для стрелкового комплекта отличался застежкой-крючком.

Оружие

Набор наступательного и оборонительного вооружения монголов XIII — первой четверти XIV в., будучи в принципе традиционно номадическим, богат и разнообразен. Он прекрасно описан Иоанном дель Плано Карпини, Рашид ад-Дином, Фридрихом II Гогенштауфеном и другими, отражен в иранской и арабской миниатюре, китайской и японской живописи, представлен археологическими находками, особенно с территории бывшего СССР.

Основным оружием, причем оружием первого удара, у монголо-татар служил лук — по-монгольски нумун. Судя по источникам, луки были двух типов, оба сложносоставные и рефлексивные (при снятой тетиве изогнутые в «обратную» сторону. — Ред.). Первый тип — «китайско-центральноазиатский»: с прямой рукоятью, округлыми выступающими плечами, длинными прямыми или чуть изогнутыми рогами. Луки этого типа достигали в длину 120—150 см. Второй тип — «ближневосточный»: длина — 80—110 см, со слабо или совсем не выступающими, очень крутыми и округлыми плечами и довольно короткими рогами, слабо или сильно изогнутыми.

Луки обоих типов имели основу из пяти кусков, склеенных из двух-трех слоев дерева, слоя сухожилий, наклеенных в натянутом состоянии с наружной стороны плечей, двух тонких роговых полос, подклеченных к плечам с внутренней стороны, изогнутой костяной пластины с расширяющимися как лопата концами, которую приклеивали к внутренней стороне рукояти и примыкающим участкам плеч, иногда пары продолговатых костяных пластин, kleящихся к боковым сторонам рукояти. Рога луков первого типа обклеивались с боков двумя парами костяных длинных пластин с вырезами для тетивы, у луков второго типа рога имели по одной костяной наклейке с углублением для тетивы; такая объемная деталь приклеивалась к деревянной основе рога сверху. Плечи луков обклеивались вареной в олифе берестой, а иногда еще и тонкой кожей, и расписывались узорами, после чего крылись лаком от сырости.

Монгольские стрелы (сумун), имели в длину около 70 см, довольно толстые, обычно окрашенные в красный цвет древки, оперение, иногда роговые свистульки (стрела с такой свистулькой называлась годоли). Стальные, на длинных — с палец — черешках наконечники чжэбэ, которые закаливали в соленой воде и постоянно затачивали специальным напильником хурэ, хранящимся в колчане, у монголов были резко специализированы. Характерны очень крупные, почти с ладонь, тумар с ровным или округлым лезвием трапециевидной, ромбической и особенно «кунжутолистной» формы, двурогие. Были кованые трехлопастные наконечники с отверстиями для облегчения и свиста. Были узкие граненые — «бронебойные» — хоорцах.

Лук с надетой тетивой помещался в наруч хот-нумун, спицый по форме лука из кожи, украшенный аппликацией из кожи, нашивкой и накладками из кости или металла, украшенными гравированными или чеканными по металлу узорами. Налуч подвешивался на стрелковом поясе слева, устьем и назад, и вперед. К петле поясной обоймы он либо привязывался непосредственно, либо надевался на раздвоенный крюк, привязанный к петле.

Стрелы хранились в колчанах хот-сумун, которых у монголов было два типа. Первый, сначала очень редкий, а позднее полностью возобладавший — плоский, приблизительно прямоугольной формы, такой же, как у киданей и татар. В отличие от киданьского колчана, монгольский шился не из шкур, а из кожи, а отличие от татарского состояло в отсутствии тканого чехла для верхней части стрел. Колчаны этого

типа монголы так же украшали нашивкой и аппликацией, узорными накладками из металла и кости. Самым популярным сюжетом было изображение феникса или дракона, заимствованное у китайцев, а еще раньше — у чжурчжэней.

Второй тип колчана — самый популярный в Евразии узкий длинный футляр, где стрелы лежат целиком, наконечниками вверх. Его монгольский вариант отличался рядом особенностей. Он имел закрытое устье-карман с крышкой сбоку. Часто карман делали расширяющимся вверху, с верхом округлой, веерообразной формы. Делался такой колчан из бересты, на каркасе из деревянных реек или железных прутьев. Иногда поверх (или вместо) бересты его обтягивали кожей. Подвешивался он справа, за ремешки, продетые в специальные костяные, реже деревянные фигурные петли на верхнем ребре колчана. Богатые колчаны покрывались костяными пластинами с гравированным узором, представлявшим чисто монгольское искусство орнамента. Для высшей знати вместо кости использовали серебро и золото.

Весь комплект для стрельбы назывался по-монгольски хор (по-тиюркски — саадак), а гвардейцы-стрелки и оруженосцы — хорчи.

Оружием второго удара — атаки тяжеловооруженных всадников — было копье. Монгольские копья чжида имели наконечники разных типов — и широкие плоские, и узкие граненые, и даже в виде длинного ножа на втулке. Современники описывали также монгольские коня с крюком под наконечником — для стаскивания противника с седла; этому есть и археологическое подтверждение. Сейчас ясно, что подобные копья являются примитивными подражаниями чжурчжэнским образцам: у тех к наконечникам шарнирно приделывались отклоняющиеся назад лезвия, которые при выдергивании острия из тела фиксировались перпендикулярно древку, так что при рывке копья назад противник не только выпадал из седла, но и получал страшную рану. Монгольские копья обычно имели под втулкой наконечника пучок конских волос и флагок; нижний конец древка снабжался подтоком.

Во время езды копье удерживалось на спине за правой рукой при помощи двух ремней: верхнего — под мышкой, и нижнего — вокруг стопы. Так носили в седле копье казаки вплоть до 30-х гг. нашего века. В атаке копье держали или «по азиатски» — двумя руками, или «по-рыцарски» — правой рукой, зажав нижний конец под мышкой.

Изредка, и только в руках телохранителей хана на иранских миниатюрах начала XIV в. встречаются сложные формы длиннодревкового оружия: обычно это боевые трезубцы, но есть и целые «букеты» клинов, укрепленные на одном древке при помощи сложной системы втулок.

Основным оружием третьего этапа боя — руконашной схватки — у монголо-татар были мечи, палаши и сабли. Как это ни покажется странным, монголы вполне охотно применяли меч (йилду, улду). Это мог быть двулезвийный меч китайского или мусульманского типа, иногда чисто рубящий, с закругленным концом. В западных регионах империи чингизидов — в Иране, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе монголо-татарский меч быстро оформился под влиянием оружия этих регионов. При этом заимствование, например, специфического арабо-испанского перекрестья — ромбической формы, с опущенными вниз и расплощенными концами — привело к появлению самого характерного для золотоордынских и хулагуидских клинов и более нигде не встречающегося элемента меча и сабли.

Более традиционным для монголо-татар был однолезвийный палаш с прямой или чуть изогнутой, поставленной под углом к лезвию довольно длинной рукоятью. Подобные палаши — очень старая восточно-и центрально-азиатская традиция. У монголо-татар такие палаши обладали длинным нешироким клинком, перекрестием в виде узкого ромба и навершием в виде сплюснутого стаканчика. Клинок под перекрестием оковывался железной (а иногда и серебряной) обоймой с «языком», иногда фигурно вырезным, охватывавшим участок лезвия.

Но популярнее были все же сабли, которые благодаря изогнутости клинка позволяли маневренно на-

носить более эффективное поражение. Ко времени создания мировой империи монгольская сабля хэлмэ существовала в двух разновидностях — с нешироким слегка изогнутым и сужающимся к концу клинком, и с клинком более коротким и широким, чуть расширяющимся в последней трети.

К концу первой четверти XIV в. в восточных регионах империи чингизидов не наблюдается каких-либо изменений в развитии сабли. Зато от гор и пустынь южного Ирана до степей Семиречья, Южного Урала, Поволжья и Днепро-Днестровского бассейна сложились общие признаки западночингизидских сабель. Они обладали длинным клинком, со временем становящимся все более изогнутым и широким. Перекрестья имели форму узкого ромба или бруска с треугольными выступами вверх и вниз в центре. Типичными для Золотой Орды, а частично и для хулагуидской державы было перекрестье с опущенными вниз и расплющенными концами. В Иране самыми характерными были сабли с коротким ромбическим перекрестием. Особенностью северокавказских — «черкасских» клинов был граненный штыковидный конец.

Монголо-татарские мечи и сабли иногда богато украшались. К сожалению, до нас не дошли самые роскошные образцы, но и по изображениям, и особенно по археологическим находкам можно судить об уровне декора. Металлические части фурнитуры могли быть серебряными, позолоченными и даже золотыми. Они покрывались резьбой, гравировкой с сюжетами в основном чжурчжэньского стиля. Недавно найденный однолезвийный меч из Ставропольского края имел фурнитуру и даже обойму на верхней части клинка из серебра. На серебряных обоймах ножен выгравированы лотосы. На рукояти и на ножнах сохранились остатки костяных обкладок с замечательной резьбой в китайском стиле: порхающие среди ветвей птицы — на рукояти, драконы — на ножнах.

Очень популярными у монголов были боевые топор* и нож хутуг, достигавший в длину до 40 см. Обычно нож имел рукоять в виде бруска с обоймой внизу и навершием сверху. Деревянные ножны гэрд

обтягивались кожей. Иногда и они имели металлическую оковку. Декор фурнитуры боевого ножа соответствовал декору мечей и сабель. В бою нож употреблялся для приканчивания поверженного, раненого противника — конечно, не на стадии атаки, рукопашной или преследования: судя по изображениям, это делалось во время поединков лучших бойцов, иногда предшествовавших собственно сражению.

После клинового оружия огромной популярностью у монголо-татар пользовалась булава гулда. Она была не только боевым, но и почетным оружием, знаком власти. Ею были вооружены и личные телохранители монгольских владык. Эта традиция восходит еще к киданям; затем она была продолжена чжурчжэнами. Монголо-татарские булавы чрезвычайно разнообразны. Их рукояти имели обычно около 50 см длины, но нередко и 75 см и более. Длинные рукояти, подчас превращавшие булаву в скрептер, издревле были характерны именно для восточно- и центральноазиатского регионов.

Известны не только изображения, но и многочисленные археологические находки булав (обычно это только навершия из металла, но иногда сохраняются и остатки древков). Татаро-монгольские булавы бывают двух основных видов: сплошные, с отверстием или выступающей втулкой для древка, шарообразной, иногда с гранеными выступами, формы, либо перначи, то есть радиально расходящиеся от втулки вертикальные лопасти треугольной, полукруглой, трапециевидной, сложновырезанной формы. Навершия монгольских булав отливались из бронзы и чугуна, ковались из железа, иногда даже вытаскивались из камня. На длинное древко сбоку иногда крепили железное кольцо для ременной петли.

Столь же распространены были и кистени — боевые гири, соединявшиеся посредством ремня с древком. У татаро-монголов они делались из кусков рога, с железным стержнем и петлей для крепления, отливались из бронзы. Они имели форму бочонка, груши. Встречена железная ударная часть в виде маленькой булавы с круглой головкой.

По степени распространенности описанные виды

наступательного оружия, в зависимости от достатка воинов, распределялись так: лук со стрелами и боевые ножи — у всех, копье — у значительной части,

боевые гири также, мечи и сабли — у состоятельных и достаточно высокопоставленных (видимо, у всех, начиная с чина десятника).

Доспех

Монголо-татарское оборонительное вооружение XIII — первой четверти XIV вв. состояло из панцирей, шлемов, ожерелий, щитов, наруней. До нас дошло достаточное количество металлических остатков, изображения — в основном персидские и арабские — и великолепные описания панцирей. По материалу их можно разделить на панцири из твердых материалов, из мягких и, наконец, из мягких материалов, усиленных твердыми. Твердым материалом служили железо и сталь, толстая твердая кожа крупных копытных (Плано Карпини писал, что ее еще спрессовывали при помощи смолы в три слоя), а иногда, согласно «Тайной истории монголов», и бронза, и рог.

Структура твердого монгольского панциря — хуяг могла быть и ламеллярной и ламинарной. Пластины первого имели вытянутую прямоугольную форму, верхний край чаще был закругленным. Иногда на пластинах делались круглые выпуклости. Ламеллярные панцири имели покрой двух типов: кираса-корсет и халат.

Кирасу-корсет составляли нагрудник и на спинник, доходившие до верха таза, с плечевыми лямками из ремней или полос ламеллярного набора, а то и стальных изогнутых полос. Характерной деталью этих панцирей с начала XIV в. иногда становится «хребет» — вертикаль по оси на нагруднике и на спиннике, составленная из пластин трапециевидной формы с вертикальным же ребром. «Корсет» применялся и самостоятельно, но чаще дополнялся прямоугольными наплечниками и набедренниками. Эти детали, также ламеллярные, могли быть сравнительно узкими, или весьма широкими; наплечники обычно достигали локтевого сгиба, а набедренники — колен или середины голени. Иногда применялись наплечники нового типа — из цельнокованых круп-

ных выпуклых железных пластин. Наплечники и набедренники могли крепиться соответственно к лямкам и подолу «корсета» наглухо, но могли и пристегиваться ремешками с пряжками.

Покрой «халат» отличался тем, что был разрезан (и, соответственно, застегивался) не по бокам, а на груди. Миниатюры Ближнего и Дальнего Востока показывают, что сплошной разрез на груди проходил по оси. На китайских же изображениях панцири «халаты» имеют косой запах слева направо, как и у обычного халата. Бытовавшие еще в XVII—XIX вв. в Тибете и на юго-западных окраинах Китая ламеллярные панцири, также сделанные из стали или твердой кожи, обычно имели покрой «халат» и оба варианта застегивания на груди. Но особенностью старых монгольских панцирей был разрез от подола до крестца сзади. Панцирь с осевым разрезом на груди — это старая, еще с середины 1 тысячелетия н.э. традиция, характерная для Центральной Азии.

Обычно панцирь-«халат» был весьма длинным — до низа колен и даже до середины голеней. Но встречаются и очень короткие варианты, доходящие лишь до крестца. Эти панцири-«куртки» имели округленные снизу полы и вырезные листовидные оплечья (на обычных длинных «халатах» оплечья прямоугольные, до локтя или даже до кисти, как это описывал Плано Карпини и показывают китайские картины). Эти короткие панцири — прямое заимствование у чжурчжэней. Но последние шили их из толстой кожи, монголы же придали им ламеллярную и ламинарную структуру, а также круглые зерцала, укрепленные на обеих сторонах груди и на обоих оплечьях.

С начала XIV в. на востоке улуса Чжучи проводятся опыты по совершенствованию ламеллярного

доспеха — с заменой ременного скрепления пластинок металлическим. Первый способ (самый совершенный и технологически сложный) — при помощи заклепок с люфтом, дающим подвижность пластинок относительно друг друга. Этот способ знали еще хазары, позже его успешно и широко применяли западноевропейские мастера. Но на Востоке хазарский эксперимент так и остался единичным опытом. Зато чжучидская практика соединения пластинок металлическими колечками породила на мусульманском Востоке, а оттуда и в Европе, огромную традицию.

Ламинарные панцири, сделанные из сплошных полос толстой твердой кожи или железа и стали, иногда обклеенных тонкой кожей, по покоям совершенно совпадали с ламеллярными. Иногда же панцири были комбинированными — в них полосы ламеллярного набора чередовались со сплошными.

Если ламеллярные панцири обладали декоративным эффектом за счет своей «играющей» фактуры, да за счет золочения и воронения пластин или их части, то декор ламинарных доспехов с кожаной поверхностью создавался с помощью росписи и покрытия прозрачными и цветными лаками. В комбинированных доспехах декоративный эффект усиливался. Украшали оба вида панцирей ряды разноцветных ремешков или тесемок.

Если ламинарный, а тем более ламеллярный доспех могли себе позволить достаточно состоятельные воины, то практически все рядовые были в состоянии обзавестись панцирями из мягких материалов — толстой кожи, многослойных войлоков, тонкой кожи, тканей, шерстяных и волосяных прокладок, шкур. Эти панцири монголы называли хатангу дегель («твёрдый, как сталь, халат»). Многослойные панцири иногда прострачивались. Хатангу дегель мог быть и чисто парадным, то есть покрываться дорогими узорными тканями.

По покрою хатангу дегель распадаются на два типа: первый совершенно идентичен «халату» (часто отличаясь вырезными листовидными наплечниками) и его более короткой разновидности — «кафтану» (в последнем случае это точное воспроизве-

дение чжурчжэнского образца), второй тип был собственно толсто простеганным многослойным халатом с настоящими рукавами и косым запахом.

Наконец, последний вид монголо-татарского панциря представлял собой «хатангу дегель», усиленный железными пластинками, пришитыми или приклепанными с изнанки мягкой основы, так что снаружи виднелись лишь головки заклепок. Доспех этого типа был изобретен в Китае в VIII в. как парадный костюм императорских гвардейцев, сочетающий роскошь придворного одеяния с защитными свойствами панциря. С этого времени мы встречаем его изображения в Дуньхуане — пограничном городе на северо-западе Китая, пластины от него, датируемые IX—XI вв., находят в Прибайкалье и Минусинской котловине. Но до эпохи чингизидов он был мало распространен. Зато с XIII в. его стали изготавливать и применять в массовом порядке, а татаро-монголы пронесли его далеко на запад — в Европу. Там этот тип доспеха получил чрезвычайную популярность и стал основой развития классического позднесредневекового рыцарского доспеха. Монгольские же пластины имели прямоугольную форму, величиной с половину ладони, и несколько отверстий в верхней части, немного смещенных к одному из углов. Крупные выпуклые головки заклепок часто покрывались медью или латунью, даже золотились.

Наилучшими функциональными качествами обладал ламеллярный доспех: при исключительной прочности и гибкости, мало уступающей кольчужной, он был достаточно легок. Ламеллярный корсет весил 4—5 кг, а «халат» с длинными оплечьями и подолом — 16. Ламинарный панцирь при тех же защитных свойствах был чуть менее облегающим, немного тяжелее, но изготавливается в несколько раз проще и быстрее. «Хатангу дегель», усиленный изнутри пластинаами, варьировал все качества смотря по тому, насколько пластины находили одна на другую. Чем сильнее был нахлест, тем больше бралось пластин, тем прочнее, но и тяжелее и жестче был панцирь.

Монголо-татарские шлемы (дулга) чрезвычайно разнообразны. Но в целом они входят в массу типичных для Центральной и Восточной Азии. Общие их признаки — сфероконическая форма и тулья, составленная из двух и более сегментов, скрепленных внизу окольшем, иногда собранным из прямоугольных пластинок, а наверху — навершием. Монгольскими признаками можно считать козырьки и «трезубые» налобные пластины, высокие шпили, колечки на макушке для крепления украшающих лент, забрала в виде крестовины, науши. Монгольские бармицы были разными: прикрывали только затылок, затылок и шею, либо закрывали также и лицо до носа или до глаз. Делали их из толстой, нередко расписанной мягкой кожи на войлочной подкладке, из нескольких простеганных слоев мягких материалов, ламеллярными и ламинарными.

Общеевразийская тенденция к максимальной защите лица у монголов нашла выражение в забралах в виде кованых масок, полумасок и наносников, сочетаемых с дуговидными надбровными накладками. Видимо, довольно рано — не позже середины XIII в. — монголы стали употреблять для бармиц кольчугу. Кольчужные бармицы часто были глухими — покрывали шею, плечи, лицо — до верха носа или целиком, оставляя лишь отверстия для глаз. Глухая кольчужная или иная бармица сочеталась иногда с наносником или крестообразным забралом.

Монгольские мастера делали прекрасные шлемы с забралами-личинами в виде лица с усами и большим горбатым носом, иногда и с бородой и бронзовыми ушами. Эти шлемы в основном принадлежат ближневосточным типам, а маски-личины выполнены в старой центральноазиатской художественной традиции. Судя по изображениям и особенно археологическим находкам, шлем применялся достаточно часто, гораздо чаще, чем металлический панцирь.

Изображения, прежде всего мусульманские, свидетельствуют о большой популярности у монголов-татар боевого ожерелья, которое, по тем же изображениям и описанию Плано Карпини, делалось из кожи. Оно, вероятно, имело толстую войлочную

подкладку, покрывалось росписью или круглыми металлическими бляшками. Можно предполагать и ожерелья чжурчжэньского типа — из соединенных радиально расположенных трапециевидных железных пластин. После завоеваний на западе Азии распространились и кольчужные ожерелья. Вообще ожерелье не было новинкой монголов — оно было популярно во всей Центральной и Восточной Азии в VIII—XIII вв.

Очень редко, и лишь с начала XIV в., на миниатюрах фиксируются наручи, хотя не приходится сомневаться, что монголы их использовали и именно они занесли их в Европу. Те, что имели вид шин — центрально- и восточноазиатского типа — монголы заимствовали у своих южных соседей. Створчатые же наручи, издавна известные в Средней Азии, монголы переняли именно там, хотя на раннем этапе империи использовали редко. Совсем мало применялись поножи — в виде сплошной пластины на голени или из набора узких горизонтальных пластинок; такие поножи также давно известны от Японии до Синьцзяна.

Плано Карпини писал, что монгольский щит сплетен из ивовых и иных прутьев. Рашид ад-Дин в переписке упоминает плетеные из бамбука и простых прутьев щиты, оплетенные разноцветным шелком и другой цветной пряжей. Несомненно, тут описаны аналоги хорошо известных по музейным коллекциям турецких и персидских щитов XVI—XVII вв. Именно такие щиты мы видим в руках воинов на иранских и арабских миниатюрах начала XIV в. — выпуклые, диаметром 50—70 см, с выпуклым металлическим умбоном в центре, с геометрическим радиальным узором. Монгольский термин для щита — халха восходит к глаголу халхасун — «сплетать из прутьев». Щиты этого типа очень ценились за исключительную упругость, легкость и красоту.

Изображения, и археологические находки свидетельствуют о наличии у монголов круглых щитов из обтянутых расписанной кожей досок; круглых щитов, склеенных из стальных секторов, соединенных умбо-

ном в центре и оковкой по краям; небольших круглых выпуклых щитов из толстой твердой многослойной кожи. Умбоны щитов часто имели форму повсеместно популярной на Востоке многолепестковой розетки, или очень специфический вид полушиария, укрепленного на поверхности щита двумя полосами железа, наложенными крест-накрест на умбон, а расплющенными концами приклепанными к основе щита.

Многосекторные щиты из железа монголы заимствовали на мусульманском Востоке, как и редкие

каплевидной формы щиты, очень близкие к европейским, и не только формой: в одном случае можно видеть, что монголы изобразили на нем тигра — вместо типичного для европейской геральдики льва.

Кроме ручных, монголы при осаде и в бою — для создания полевых укреплений — применяли станковые щиты, известные под названием чапар. Они были прямоугольной формы, высотой до плеча. Делались из каркаса из палок, заплетенного прутьями, либо сбивались из досок.

Снаряжение боевого коня

Монгольская знать, лучшие воины снабжали доспехами и своих коней. Это снаряжение сразу бросилось в глаза европейцам, как некая диковина. О кожаных, крепких как железо, конских монгольских панцирях писали многие авторы XIII в. — западноевропейские хронисты, киликийский царевич Гетум. В Ипатьевской летописи при описании татарского защитного вооружения дружины Даниила Галицкого, которое очень удивляло австрийцев, отмечены конские доспехи — личины (маски) и кояры (панцири). «Кояр» — слово не монгольское: здесь мы видим русскую передачу тюркского слова егар — «седло», «покрытие коня». Плано Карпини подробно описывает ламеллярный железный и ламинарный кожаный конские панцири монголов, состоявшие из

пяти частей: нагрудника, двух боковин, накрепника и нашейника из двух частей, висевших по бокам шеи. Конские доспехи монголов из твердых материалов восходят к киданьским и сунским образцам. На мусульманском Востоке монголы заимствовали кольчужный конский доспех и стеганный панцирь-попону из мягких материалов, иногда обшитый бляхами.

Необходимой принадлежностью монгольского конского доспеха было оголовье — железное либо из твердой многослойной кожи. Судя по миниатюрам, оно формировалось из одного куска, но Карпини говорит о налобной пластине, к которой крепились сегментовидные нащечники, как у киданьских, китайских и всех позднейших дошедших до нас конских оголовий Востока.

Оружие монголов на завоеванных землях

Средневековые письменные источники дают ценнейшие сведения об оснащенности оружием и его производстве у монголов. По ним видно, что еще в период до создания империи панцирь имел каждый второй воин. В степи железное оружие делали странствующие и живущие при ставках знати мастера. В монголо-ойратских законах XVII в. сказано, что «ежегодно из 40 кибиток две должны делать панцири, если не сделают, то оштрафовать конем или верблюдом». В начале XVIII в. русскому послу к ойратам рассказывали, что в ставку правителью каждое лето

собирают по кочевьям 300 и более женщин, которые шьют панцири и одежду для отправки войску.

Монгольское оружие, попав в разные страны вместе с победоносными воинами, оставалось там чрезвычайно престижным — прежде всего у самих монголов, но также и у местных жителей. Рашид ад-Дин, например, специально подчеркивал, что в огромных казенных мастерских карханэ, организованных завоевателями в державе Хулагуидов на базе мастеров из покоренных регионов, изготавливали оружие именно монгольского образца. В начале XIV в. мастера были

отпущены на свободную работу — на базар — как из экономических соображений, так и потому, что местные мастера уже научились делать монгольское оружие. Наряду с этим, в течение XIV в. происходили и изменения монголо-татарского оружия, да и костюма, особенно в западных регионах — на территориях улусов Чжучи (Золотой Орды), Чжагатая и Хулагу.

Особенно показательны процессы, происходившие на территории Дешт-и-Кипчак — «степи куманов», на которой расположился улус Чжучи и западная часть улуса Чжагатая. Здесь кочевники, называвшие себя куна, сары и кипчак (куны в Европе звались куманами, на Руси — половцами), стали основным населением этих держав, получив имя татар и, наряду с огузами, подарив этим государствам свой язык (турецкий). В степях восточной Европы и регионов несколько более восточных раскопаны курганы высшей куманско-половецкой знати середины — второй половины XIII в. В них мы видим сочетание местной кольчуги с целым рядом монгольских признаков в таких предметах вооружения, как шлемы, колчаны, булавы, чисто монгольские пояса. В уже упоминавшейся Ипатьевской летописи под 1252 годом записано, что князь Даниил Галицкий вооружил своих дружинников по татарскому образцу. На юге Восточной Европы найдены в курганах и в русских городах низкие шлемы с полумасками или налобными пластинами с выпуклыми «бровями» и глазными вырезами; все они имеют натураллистически выкованный нос, обычно толстый слой позолоты, а все пространство лица и шеи под краем шлема и маской защищено кольчужной бармицей. В бою эти шлемы производили исключительно неприятное впечатление на врага. Большинство описанных шлемов имело на макушке кольцо для крепления двойной ленты — характерный признак монгольских шлемов.

В отечественной науке последние десятилетия господствует идея, что данные шлемы — «круглобокие», «горшковидные», с забралом-полумаской, «бровями» и «носом» есть сугубо местный, древнерусский тип шлема 2-й половины XII — 1-й половины XIII вв. И это несмотря на то, что большинство из них найде-

но на степной территории или даже в кочевнических курганах. На самом же деле, единичные экземпляры из древнерусских поселений — свидетельства монгольского погрома или связей с монголами. Если есть у какого-то из них точная дата — она всегда не ранее середины XIII в. И шлемы эти во всех подробностях изображены именно на ирано-монгольских миниатюрах 1-й половины XIV в. Наконец, недавно в Городце на Волге был найден роскошный, в серебре и золотом декоре, шлем подобного типа, на челе которого сохранились остатки арабской надписи. Это не оставляет никаких сомнений в его восточном происхождении. Если датировать его XIII в., то местом его производства могут быть мастерские, организованные монгольским наместником северного Ирана Аргуном-акой в Азербайджане (иранском: нынешний Азербайджан называется так только последние 80 лет), где персидские оружейники под присмотром своих монгольских коллег делали монгольского образца вещи, иногда привнося в них элементы местного декора.

Так, в Будапеште хранится шлем чисто монгольской формы — с козырьком, китайско-монгольским феником и монгольским трезубцем на лбу, заполненным мусульманским узором. Этот шлем представляется нам работой иранского мастера для монголов в Иране в XIII в.

Но тогда городецкий шлем очень соблазнительно связать с Александром Ярославичем (Невским), который умер именно здесь, возвращаясь из очередной поездки в Орду. Серебряный монгольский шлем иранской работы мог быть одним из знаков благоволения со стороны степных сузеренов.

Не менее, если не более решающим стал для науки недавно появившийся в одной из частных коллекций уникальный шлем, относящийся к рассматриваемому типу. Только забрало его было выполнено в виде личины, а не полумаски, о чем свидетельствует узкий и глубокий округлый лицевой вырез с отверстиями для крепления личины в центре, кольчужной бармицы — с боков, и подшлемника — между ними. Как и почти все «круглобокие» шлемы, он имеет на навершии кольцо для крепления монгольского украшения — двойной

ленты. Как и у посеребреного «круглобокого» шлема с забралом-полумаской из Городца, а также у шлема с наносником и налобником с вырезными «бровями» из Таганчи или шлема с личиной из кургана у села Липовец в Поросье, купол этого шлема также разделен на четыре сектора, только не золотой инкрустацией, как у двух первых, не широкими и глубокими «ложками», как у третьего, а высоко прочеканенными линиями, образующими в каждом из секторов типично монгольский трилистник — элемент орнамента, характерный для монгольского декора в XII—XIV вв.

В итоге, данный шлем позволяет уверенно считать монгольскими ВСЕ шлемы, представленные на рис. 39 и 40, датируя их XIII — 1-й половиной XIV вв. Тем более, что все личины, найденные с этими шлемами, принадлежат к одному типу — с широкими каплевидными бровями, каплевидными глазами, огромным горбатым носом, загнутыми к верху усами. Этот тип четко отразил древний алтайский идеал мужа-героя и продержался в Азии, несмотря на смену народов, языков и рас, без изменений с V в. до н.э. по XV в. н.э., то есть 2000 лет.

В археологических материалах мне удалось выделить шлем, монгольский по большинству признаков, но с русской отделкой, который мог быть изготовлен в мастерской оружейника Даниила Галицкого.

Но и собственно русские шлемы, в том числе княжеские, могли переделываться по модным монгольским образцам. Так, в Оружейной палате Московского Кремля уже почти 200 лет хранится шлем, случайно выкопанный вместе с кольчугой у деревни Лыково Владимирской губернии. Его чеканные серебряные накладки давно привлекли внимание ученых; большинство из них склонилось к мнению, что шлем принадлежал великому князю Ярославу Все-володовичу и был брошен им в бегство после проигранной Липицкой битвы в 1216 г., то есть ДО монгольского нашествия.

Но только специалисты-оружиеведы обратили внимание, что забрало-полумаска приклепано к шлему позже его изготовления, так как нарушает драгоценный серебряный декор, перекрывая ступни архангела

на челе и часть узора на кайме. Я полагаю, подобное забрало со скульптурно-натуралистическими бровями и носом — типичная деталь монгольских шлемов — было приделано к шлему Ярослава Все-володовича уже ПОСЛЕ монгольского нашествия, в подражание доспеху завоевателей; сам же шлем, в конце своего бытования, принадлежал сыну Ярослава — Андрею.

Думается, для такого вывода есть веские основания. Дело в том, что, получив в Каракоруме ярлык на великое княжение Владимирское, Андрей, по некоторым историческим свидетельствам, составил антиордынский заговор вместе с Даниилом Галицким и своим братом Ярославом (князем Тверским); однако этот заговор раскрыл ордынцам старший брат — Александр Ярославич (через 200 лет прозванный Невским), в то время имевший ярлык на полностью разоренное великое княжество Киевское. Из Орды было послано карательное войско («Неврюева рать»), учинившее страшный разгром Владимирщины. Из-за внезапности набега Андрей мог собрать лишь ближайших дружиинников — личную гвардию. Гостили у него тогда и Ярослав. Монголы настигли Андрея, когда он, выехав из ставки Владимирских князей — дворцового комплекса Боголюбово, приблизился к Переяславлю-Залесскому — вотчине Александра. Там он сразу был атакован и разгромлен превосходящими силами неприятеля. Сначала он бросился, было, во дворец, но монголы, видимо, уже заняли его. Тогда Андрей зарыл свои доспехи и бежал, чтобы укрыться в Швеции — кстати, у того самого ярла Биргера, которому неверно приписывают участие в Невской битве 1240 г.

Так вот, место, где найден был лыковский шлем, находится всего в 28 километрах от дворцового комплекса Великих князей Владимирских — Боголюбово, тогда как до речки Липицы расстояние в несколько раз больше. Так что, принадлежность шлема Андрею Ярославичу Владимировскому представляется вполне обоснованной.

К ранней золотоордынской эпохе относится и ряд куманско-половецких каменных изваяний воинов с монгольскими признаками в оружии и даже прическе.

Характерные половецкие украшения в виде круглых металлических блях, укрепленных на ременном «бюстальтере», обнаружены в погребениях середины — второй половины XIII в. Если золотоордынские материалы по оружию связаны исключительно с археологическими остатками, лишь иногда дополняемыми письменными источниками, в основном русскими, то мусульманский Восток в своих миниатюрах дает нам полный облик монголо-татарского воина XIV в.

Начиная с 30-х гг. XIV в. начинают прослеживаться изменения в костюме. Это касается прежде всего головных уборов — шапки становятся более объемными, больше не украшаются перьями. В декор наряда с китайскими включениями исламские растительные и эпиграфические мотивы. Таким остается костюм и почти сохранившаяся традиционная монгольская прическа (косы кольцами, только без челки) почти до середины XV в.

В наступательном оружии изменения произошли следующие. Луки восточно-центральноазиатского типа практически полностью были вытеснены луками ближне-средневосточного типа. Наконечники стрел стали миниатюрнее, увеличилась доля «бронебойных». Мечи к концу XIV в. были почти совсем вытеснены саблей. Сабля же в ряде случаев приобрела расширение в нижней трети клинка — елмань. Под влиянием мусульманского и восточноевропейского вооружения распространяются боевые топорики и чеканы. Особенно роскошными были боевые топорики, сделанные в Волжской Булгарии. Не позднее 70-х гг. XIV в. отмечено применение пушек, в частности, в той же Булгарии.

Что касается оборонительного вооружения, то здесь отметим широкое применение традиционной для запада Евразии кольчуги. В течение XIV в. в западных татаро-монгольских государствах формируется кольчато-пластинчатый доспех — самый совершенный из созданных человеком по прочности и удобству. Его археологические остатки впервые зафиксированы в памятниках XIV в. с территории Золотой Орды — на южном Урале и Северном Кавказе, а изображения — на тебризских миниатюрах

70-х гг. XIV в. из альбомов султана Мехмеда II в Стамбуле и иллюстрациях багдадского художника Джунайда Султани, сделанных в 1396 г. к рукописи поэм Хаджу Кермани.

Самым популярным стал усиленный хатангут дегель, с железными пластинами, приклепанными с изнанки. Именно он получил у покоренных тюрок и русских название куяк. Кроился куяк как почко с проймами для рук и подолом до талии. К передней части снизу пришивались две прямоугольные лопасти до середины голени для защиты ног и между ними — квадратная лопасть для защиты паха. К спинной части снизу подшивалась прямоугольная или трапециевидная лопасть для защиты крестца. Оплечья — обычно тоже прямоугольные лопасти до локтей.

В этом покрове система защиты нижней части корпуса точно совпадает с домонгольскими восточно-туркестанскими и дуньхуанскими покровами панцирей. Вердимо, здесь сказались уйгурские традиции, сильные в чингизидской культуре. В центре груди и спины этих куяков крепилось по круглому зерцалу. Куяки снаружи имели слой голубой, сиреневой или красной ткани, что описано кастильским послом к Тамерлану Рюи Гонсалесом де Клавихо. Вместе с тем, продолжали существовать ламеллярно-ламинарные кирасы-корсеты. Но нововведения касались всей системы панцирей. Куяки, например, часто делались с настоящими длинными рукавами, горизонтально простеганными, а их плечи укреплялись выпуклыми крупными металлическими пластинами, типа европейских. Вообще, сходство в структуре и декоре европейских бригандин и азиатских куяков точно отметил Клавихо. Похожей была конструкция наручьей — где на вертикальных ремнях заклепками крепились большие выпуклые пластины наплечников и узкие горизонтальные полосы стали под ними. Широко распространившиеся в XIV в. створчатые наручи типа «базубанд» иногда получают в последней трети XIV в. перчатку для кисти, набранную из стальных деталей, аналогичную европейской, но с кольчужным соединением. Также встречается и створчатый наколенник с наголенником и пластинча-

то-кольчатым прикрытием стопы. Все эти детали — аналоги европейским — появились в татаро-монгольских государствах исламского ареала, вероятно, не без влияния Европы, но не получили развития.

Во второй половине XIV — начале XV вв. характерной чертой защитного доспеха в этом ареале является комбинирование в одном панцире разных броневых структур — например, сочетание куячной кирасы с ламинарными и ламеллярными, а также набранными на ремнях деталями нарукавий и прикрытий нижней части корпуса. Характерна также традиция ношения нескольких панцирей одновременно: внизу — кольчуга или стеганый панцирь, на них — куяк, и поверх всего — ламеллярно-ламинарная кираса с короткими оплечьями или нарукавьями и наножниками. То есть, как и в Европе, мы наблюдаем здесь усиление панциря, но другими способами.

Монголо-татарские шлемы этого периода не столь разнообразны. Большей частью они сфероконические, с отдельно приклепанным или приваренным окольшем. В Золотой Орде сохраняются козырьки и высокие шпили, которые позже — вместе с наушниками — завоюют Ближний и Средний Восток. Развиваются хулагуидские шлемы — низкие, полушировидной или яйцевидной формы, с окольшем «короной», надглазными вырезами, «бровями» и носовой стрелкой. Их мы во множестве знаем по иранским миниатюрам XIV в., они хранятся во дворце-музее Топкапы-сарай в Стамбуле и в Оружейной палате Московского Кремля. Их более поздний вариант — конца XIV — начала XV вв. — имеется в ко-

ролевском дворце Вавель в Кракове, а еще более поздние дериваты со стальными усатыми и носатыми масками, сделанные в Анатолии на рубеже XV—XVI вв., хранятся в Оружейной палате и в Лондонской коллекции Нассера Д.Халили.

Среди щитов преобладают сделанные из прутьев и скрепленные цветными нитями, со стальным умбоном. Видимо, менее популярны небольшие щиты из очень толстой твердой расписной кожи, с четырьмя небольшими умбончиками.

Монголо-татарские конские доспехи на протяжении XIII—XIV вв. изменились не особенно сильно. Их конструкция, покрой остались теми же. По структуре они по-прежнему изготавливались ламеллярными и ламинарными, а также стеганными и кольчужными. В декоративном отношении особенно эффектны панцири, составленные из разноцветных лакированных кожаных пластинок или покрытые роскошными узорными тканями. Принципиальным и прогрессивным нововведением последних десятилетий XIV в. был кольчато-пластинчатый панцирь, чьи пластины могли украшаться позолотой и гравировкой. Так же украшались и составлявшие единый с панцирем комплект стальные конские наголовья, как и раньше — трехчастные, а теперь нередко имеющие поперечный гребень на лбу.

Монгольское седло и сбруя также мало изменились. Продолжая в целом киданьско-чжурчжэнские традиции, седла монголов отличались массивными трапециевидными, с округленными углами луками, часто очень богатым чеканным металлическим декором. Металлические бляхи и кисти украшали сбрую и узду.

Военное искусство

Посмотрев вооружение монголо-татарских воинов, можно убедиться, что оно было одним из важнейших слагаемых феноменальных успехов монгольских войск, почти не учитываемым исследователями. Зато очень часто упоминается жестокая дисциплина, установленная Чингиз-ханом. Действительно, серьезные наказания — обычно смертная казнь — следовали за такие проступки, как бегство с поля боя,

причем за бегство одного казнили весь его десяток, за бегство десятка — всю сотню. Так же карались нарушения дисциплины — преждевременный захват добычи (до окончания боя), сон на посту и т.п. Мелкие нарушения наказывались штрафами.

Стратегическое искусство татаро-монголов при Чингиз-хане и его наследниках включало, прежде всего, прекрасную разведку. Агентурная (в ней

обычно использовались купцы из нейтральных стран или страны будущего противника) занималась сбором сведений, вербовкой агентов во властных структурах, распространением ложных и панических слухов, интригами для возбуждения внутриполитической борьбы и выведения из игры сил, способных оказать наиболее серьезное сопротивление. Для разведки боем посыпалась военная экспедиция с ограниченным — один-два тумэна — контингентом, дабы максимально глубоко прощупать военный, политический и экономический потенциал противника. Такой акцией был поход полководцев Субэдэ и Чжэбэ с тремя тумэнами от Мавераннахра через Иран, Малую Азию, Закавказье, южно-русские степи, нижнюю Волгу и обратно в степи Центральной Азии.

Традиционным стратегическим преимуществом кочевников была скорость передвижения войсковых масс. И монголы, у которых каждый воин имел не менее двух лошадей, использовали его максимально. Для этого, в частности, войско делилось на части, каждая из которых легче двигалась, снабжалась и могла решать локальные военные задачи. Опасность разгрома по частям снималась хорошо поставленной разведкой и связью, а нередко и разладом в стане врага, провоцировавшимся монгольской агентурой. Зато в нужный момент, точно выбранный и искусными маневрами подготовленный, армия собиралась в единый кулак и всей мощью обрушивалась на противника. Это очень хорошо прослеживается в русской кампании 1237 г., когда разные части войска хана Бату, действовавшие против разных княжеств, точно собирались и разгромили самое крупное русское войско великого князя владимирского Юрия на реке Сить. То же повторилось и во время европейского похода 1241 г. — для решающих битв на реке Шайо в Венгрии и при Лигнице в пограничье Чехии, Польши и Германии.

Тактически монголы строили бой на сочетании изматывания и расстройства рядов противника — маневрированием и массированным обстрелом из луков — и последующего решающего удара силами бронированных копейщиков. Далее бой перерастал в руко-

пашную схватку с мечами, саблями, топорами и булавами. Сломленного и бегущего противника преследовали до полного уничтожения или пленения. В принципе в таком построении боя ничего специфически монгольского не было: так воевали почти все народы Евразии, так или иначе знакомые сnomadicкими методами ведения боя, от венгров до японцев. Особенности монголов были в другом.

Например, с древности хорошо известен прием кочевников — расстройство рядов врага ложными отступлениями в сочетании с засадами. Этот прием эффективен и в исполнении иррегулярной конной толпы. Но когда его совершает скованное дисциплиной войско, его результативность резко возрастает. Именно таким приемом была выиграна в мае 1223 г. битва при Калке в Приазовских степях, где против 20–30-тысячного корпуса Субэдэ и Чжэбэ выступило коалиционное 60-тысячное войско нескольких русских княжеств (в том числе Киевского) и крупнейшего половецкого хана Котена. 12 дней монголы «отступали» в глубь степи, оставляя стада скота. Войска коалиции, видя отступающие мелкие отряды и стада добычи, растянулись по жаркой маловодной степи. Первыми, как самые подвижные и находившиеся в родных местах, в готовое к бою свежее монгольское войско уткнулись половцы. Видимо, в данном случае монголы сразу бросили в контратаку тяжелую конницу, так как лучники уже «отработали» в течение предыдущих дней. Куманы были сметы, их бегущие толпы врезались в подходившие русские части и смили их. Не теряя темпа, монголы приступили к успешной рукопашной схватке, в результате которой противник бежал с ужасными потерями. Хан Котен, юный тогда князь Даниил Галицкий и знаменитый военачальник, победитель немецких рыцарей князь Мстислав Удатной («удачливый») успели спастись бегством. Мстислав при этом ударился в такую панику, что утратил честь, когда переправляясь на другой берег Калки, приказал продырявить днища лодок, обрекая остальных беглецов на гибель. Князь Мстислав Киевский с войском в этом сражении участия не принял, укрепившись на холме, окружив свой лагерь повозка-

ми, и наблюдая за избиением союзников. Монголы обманом выманили обезоруженное по условию «перемирия» войско киевского князя и перебили его.

Замечательные описания монголо-татарского боя оставил Марко Поло. Бой, атака начинались по сигналу — ударам большого барабана. До этого воины укрепляли свой боевой дух пением, сопровождаемым игрой на струнных инструментах. Сражение открывалось атакой лучников. Марко Поло писал, что каждый воин имел 60 стрел: половина — с маленькими легкими наконечниками для массированной настильной стрельбы издали, а половина — с крупными для прицельного обстрела с близкого расстояния, причем точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков. Настильная стрельба в основном применялась при фронтальной атаке и ложном отступлении.

Но самым страшным был массированный и одновременно прицельный огонь. Именно этим отличались атаки монгольских лучников, именно они настолько поразили современников, что, например, наличие у монголов массы тяжеловооруженных всадников — для Европы явление вполне обычное — упоминалось лишь вскользь и не вызывало такого потрясения. Для максимального эффекта прицельного массированного обстрела применялось специальное построение, о котором Марко Поло коротко сообщил, что в бою монголы «скакут кругом и стреляют». Очень подробно этот метод боя описал посол императора Максимилиана барон Герберштейн — надо думать, со слов русских информаторов, поскольку в его тексте стоит слово *tanz*, явно передающее русское «хоровод».

Заключался этот прием в том, что лучники по отрядно выстраивались цепью в круг и начинали атаку, «вращаясь» перед фронтом противника по часовой стрелке — так что мишень всегда была слева от стрелка, то есть в самой удобной позиции. В зависимости от длины фронта стрелок успевал сделать 2–3 выстрела, после чего «хоровод» уводил его из зоны стрельбы, и он мог подготовиться

к очередной серии выстрелов, не подвергаясь опасности, тем более что был постоянно в движении. Противник же оставался практически неподвижной мишенью, а тучей летящие стрелы с тяжелыми крупными наконечниками, пущенные всего с 20–40 м, точно попадали в самые уязвимые места. Недаром трапезундский царевич Гетум с удивлением писал, что при атаке монгольских лучников «сразу бывает много убитых и раненых».

Таким образом, атаки монгольских лучников уже на первой стадии боя выполняли не только задачу изматывания противника и расстройства его рядов, что было обычным для войск всех народов Евразии, но и задачу полного разгрома врага, ибо его бегство зачастую наступало сразу после этой стадии. В любом случае после атаки лучников действия тяжеловооруженных копейщиков на втором этапе боя и рукопашная схватка на третьем значительно упрощались. И хотя, как мы увидели, для этих действий монголы были экипированы не хуже, а часто и лучше воинов других народов, они предпочитали решать дело именно на первой стадии, значительно более безопасной.

Если дело все же доходило до копий и мечей, то применялись два основных принципа. Первый заключался в членении войска на отдельные части, которые вводились в бой постепенно, и которыми маневрировали полководцы, всегда находившиеся позади поля боя, желательно на высоте. Вторым принципом была асимметричность удара — концентрация сил на одном направлении, в одну точку приложения. Этот принцип осуществлялся приемом тулгама или тулугма, когда ударное соединение было противника обычно во фланг.

Со второй половины XIV в. в монголо-татарском военном деле происходят определенные изменения, связанные с условиями местной среды и развитием феодальных отношений, с влиянием оседлого населения и его традиций ведения войны.

Изменения прежде всего коснулись структуры армий. Дело в том, что десятичное членение, когда войсковая структура соответствовала одновременно административному и кланово-племенному делению, довольно скоро стало условным. Тумэн уже далеко не

всегда насчитывал 10 000 бойцов, а минган — 1000. Точность в исчислении войск исчезла; такой, например, выдающийся военачальник, как завоеватель Индии, первый из Великих Моголов Бабур в конце XV в. всегда называл численность своего войска с допуском около трети в ту или другую сторону.

Второе, прямо связанное с первым изменение — замена монгольских названий тюркскими, которые уже не всегда заключали в себе цифру. Если звания он-бashi — десятник, юз-бashi — сотник отражали число воинов в их подчинении, то более крупные подразделения уже имеют непостоянную численность: кошун состоял из 50—300 бойцов, а кул мог насчитывать от 1000 до 8000. В «Военных установлениях» — сочинении XVII в., скомпилированном в Индии и приписываемом Тамерлану, даются разные цифры для конной армии. Например, армия до 40 000 человек должна члениться на 6 кулов и 14 кошунов. Как видим, ни о каком постоянном количестве воинов в отрядах уже не было речи.

Третье кардинальное изменение заключалось в том, что в ряде монголо-татарских государств войско стало включать значительные пешие контингенты, выполнявшие не только служебные, но и боевые задачи. Причем миниатюры показывают, что это были как бездоспешные стрелковые части, так и отряды, где воины имели панцири, щиты и шлемы, а в бою пользовались саблями, топорами, булавами и кинжалами.

В заключение необходимо сказать о знаменитом осадном искусстве монголов. Совершенно справедливо его связывают с осадным искусством Китая и

мусульманских стран, с мастерами из этих регионов. Но вспомним, тем не менее, осадное дело киданей, полностью воспринятое монголами. Известны и ценные династии монгольских инженеров осадной техники. Все осадные приемы, описанные нами в разделе о киданях, монголы знали и применяли. Сами они добавили к ним постройку палисада — высокого забора, плотно окружающего осажденное укрепление, чтобы осажденные не могли предпринять неожиданной вылазки. Монголы широко и активно применяли осадные машины как рычажно-натяжные, так и имеющие в основе большие стакновые луки. Более того, применяли они и зажигательные и бризантные составы типа пороха, а также собственно огнестрельное оружие — пушки с ядрами и разрывными гранатами. Однако с течением времени осадная техника продолжала применяться и развиваться лишь в тех монголо-татарских государствах, центры которых были расположены в мощной оседло-земледельческой, городской зоне.

Установив после своих завоеваний имперскую систему, монголы внутри империи не развивали фортификацию: более того, стены городов тщательно сносились, дабы горожане не могли укрыться от степных хозяев. Свои собственные города гордые завоеватели также не считали нужным окружать стенами. Опасность, по их мнению, могла представлять лишь внезапные набеги монгольской же конницы во время междоусобных конфликтов. Для защиты от таких набегов города просто окружались рвами, дно которых усыпало особыми железными колючками, так что ни конница, ни пехота не могли прорваться в город с ходу.

Монгольское военное искусство, вооружение, костюм оказали огромное влияние на окружающие регионы — и не только на подвластных монголам территориях, но и на достаточно от них удаленных. Масса названий, терминов, установлений перешла из монгольского и тюрко-татарского в другие языки. Монгольский доспех не только лег в основу дальнейшего развития вооружения почти на всем Востоке, но и послужил базой для развития рыцарского доспеха в Европе.

* На Запад монголы принесли очень архаичный, но вполне эффективный всаднический топорик с длинным узким клинком, коротким лезвием и молотковидным обухом. Оригинальны топорики с коротким трапециевидным клинком с широким округлым лезвием; клинок крепился в древке при помощи длинного черешка. Форма и небольшие размеры топориков этого типа позволяют думать, что их могли использовать и для метания. Смешанная форма — проушины клинок с широким округлым лезвием и обухом-молотком. Это может быть монгольской переработкой чжурчжэньских широколезвийных топоров.

Рис. 1. СТАВКА КИДАНЕЙ,
середина XI в.

А – тяжеловооруженный всадник
«железный коршун»:

по изображению на картине китайского художника
Чан Цуйчжун (эпоха Сун) «18 жалоб госпожи
Цай Вэньчжи» – из коллекции Ван, Нью-Йорк;
шлем и копье – из гробницы Сяо Шагу,
заяца киданьского императора, 959 г.,
Дайинцы, провинция Ляонин, КНР;
боевой цеп – из погребения середины XI в.,
в хошуне Аохань, провинция
Внутренняя Монголия (КНР).

В – принц-военачальник: корона, конское снаряжение,
портупейный пояс – из гробницы Сяо Шагу;
меч – из погребения в хошуне Аохань;
парадный пояс – из погребения в Цзянчунгу,

провинция Ляонин;
костюм, нож и налук с луком – с картины
конца IX в. «Встреча Су У с Ли Лином»,
дворец-музей Гугун в Тайбэе (Тайвань).

С – личный телохранитель принца:
по картине китайского художника Х в. Ли Цзанхуа;
дворец-музей Гугун в Тайбэе;

булава – из погребения в Хусынао
IX – начала X в., Внутренняя Монголия.

Д – стража ставки: с картины китайского художника
Сяо Чжао (эпоха Сун) «Возрожденные надежды
и счастливые предзнаменования»
(копия художника Сю Ина, эпоха Мин),
дворец-музей Гугун в Пекине. боевые трезубцы
и вилы – из погребения в хошуне Аохань.
Изображение ставки – с картины
«18 жалоб госпожи Цай Вэньчжи»,
 знамена – с картины Сяо Чжао

Рис. 2. БОЙ МОНГОЛОВ
И ВОСТОЧНЫХ
ТАТАР В 1198 г.

А – хан Тэмучин (будущий Чингиз-хан) и В – хан кереитов Тоорип (после этой победоносной битвы – Ван-хан): с китайской картины эпохи Пяти династий, рубеж IX–X вв., Гугун в Пекине

(все детали костюмов аналогичны изображениям монголов XIII–XIV вв.), костяные и металлические детали снаряжения – из монгольских погребений XII в. в Забайкалье –

С – командир гвардии татарского хана. D – хан бурнурских татар: с китайских картин на тему «Возвращение госпожи Цай Вэньчжи от северных варваров» – неизвестного художника эпохи Сун из Музея дальневосточного искусства в Стокгольме и художника Чжан Юя эпохи Цзинь

Рис. 3. ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД
ИЗ ГЛАВНОЙ СТАВКИ МОНГОЛЬСКОЙ
ИМПЕРИИ – КАРАКОРУМА,
середина XIII в.

А – великий хан (каган): костюм и конское снаряжение – по картине Лю Гуантоа «Охота Хубилай-хана», конец XIII в.

Гугун в Тайбэе, и по портретам императоров династии Юань, там же; бельдек (поясничная одежда) – из монгольского погребения эпохи Юань в провинции Цинхай (северо-запад КНР); шлем – по китайским изображениям и находкам в южнорусских степях;

колчан – по археологическим находкам в Монголии и в низовьях Волги.

В – командующий гвардией («кешиг»): по изображениям на миниатюрах рукописей поэмы Фирдоуси «Шах-намэ», сделанных в монгольском Багдаде в начале XIV в. и по картине Лю Гуантоа «Охота Хубилай-хана».

С – принц: по картине Лю Гуантоа, миниатюрам рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, сделанным в монгольском Тебризе в 1306–1307 гг., из библиотеки Эдинбургского Университета.

Д – телохранители («кешигтэн»): по картине японского художника Тоса Нагатака «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г., императорская коллекция в Токио; длиннодревковое оружие – с миниатюр эдинбургской рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.

Е – «кешигтэн»: по картине «Вознесение сферы милосердия» китайского художника Ван Чэнчжэня (1280–1329), музей в Индианаполисе (США); длиннодревковое оружие – с тебризской миниатюры-диптиха, конец XIII в., из библиотеки дворца музея Топкапы-сарай в Стамбуле.

Ф – знаменосец: с эдинбургской рукописи «Шах-намэ», сделанной в Ширазе в 1330–1331 гг., из библиотеки Топкапы-сарай

Рис. 4. АТАКА МОНГОЛЬСКИХ ЛУЧНИКОВ СПОСОБОМ «ХОРОВОД», середина XIII – начало XIV вв.

А – по тебризским миниатюрам рукописей «Джами ат-таварих» 1306–1308 гг. из библиотеки Эдинбургского Университета, «Шах-намэ» 30-х гг.

XIV в. из бывшей коллекции Демотта, «Осада монголами Багдада» начала XIV в. из альбома Дица в коллекции Прусского культурного наследия (Берлин), по ширазской миниатюре к «Шах-намэ» 1340 г. из коллекции Жиллет, по археологическим

находкам в Поросье и на Днестре, находкам в Киргизии, инкрустации на «баптистерии Сен-Луи» – латунном газе работы дамасского мастера 1290–1310 гг., Лувр.

В – по картине Тоса Нагатака, миниатюрам эдинбургской рукописи «Джами ат-таварих», археологическим находкам на Алтае (шлем), в Казахстане (пояс) и в Поднестровье (узда).

С – по миниатюрам багдадской рукописи «Шах-намэ» 1340 г. из Британского музея, ширазской рукописи «Шах-намэ» 1340 г. из коллекции Жиллет, тебризской рукописи

«Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина из Эдинбурга; шлем – из коллекции графа Вилчека; сабля – из археологических раскопок в Прикубанье.

Д – по тебризским миниатюрам рукописей «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина из Эдинбурга и «Шах-намэ» из бывшей коллекции Демотта

Е – по тем же источникам, шлем – по мотивам шлема из Военного музея, Стамбул.

Ф – по тебризским миниатюрам рукописей «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина из Эдинбурга и из альбома Дица в Берлине, по инкрустации латунного блюда, сделанного в Мосуле в конце XIII – начале XIV вв. из бывшей коллекции Демотта

Рис. 5. МОНГОЛО-ТАТАРСКИЕ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННЫЕ ВСАДНИКИ, середина XIII – 1-я треть XIV вв.

А – по описаниям Плano Карпини, тебризским миниатюрам 30-х гг. XIV в. к рукописям «Шах-намэ» из бывшей коллекции Демотта и альбома Дица, по археологическим находкам из Татарстана (забрало-личина). Ингушетии (шлем). Ставрополья (палаш), нижнего Поднепровья (кистень). Хорезма (щит). Хакасии (узда).

В – по описаниям Плano Карпини, тебризским миниатюрам к рукописям «Шах-намэ» из бывшей коллекции Демотта, багдадским миниатюрам к рукописи «Шах-намэ» 1341 г. из коллекции Назар-ага. ширазским миниатюрам рукописи «Шах-намэ» 1333 г. из Российской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, по археологической находке в Поднестровье (шлем, булава, колчан).

С – по описаниям Плano Карпини, тебризским миниатюрам рукописей «Джами ат-таварих» из Эдинбурга и «Шах-намэ» из бывшей коллекции Демотта, по археологической находке в южном Приуралье (шлем).

Рис. 6. ПОСЛЕДНИЕ ПОЛОВЕЦКИЕ (КУМАНСКИЕ) ХАНЫ
И ИХ ПРИБЛИЖЕННЫЕ – ВОЕННАЯ ЗНАТЬ
РАННЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ,
середина XIII – начало XIV вв.

А – хан: по археологическим находкам из кургана
в урочище Таганча, Поросье, середина XIII в.

В – хан (и конь): по археологическим находкам из кургана
на р. Чингул в Запорожье, 3-я четверть XIII в.

С – дружинник: по археологическим находкам из кургана
у села Таборовка в нижнем Поднепровье,
последняя третья XIII – начало XIV в.

Д – командир дружины: по археологическим находкам
из курганов у сел Ковали и Липовец в Поросье и кургана
из Дмитриевского могильника в Прикубанье.

Е – дружинник: шлем – случайная находка у села Никольское
в Курской губернии, сабля – по археологическим находкам
из курганов в Поросье

Рис. 7. ЗОЛОТООРДИНСКОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ, середина – 3-я четверть XIV в.

А – беклярибек – главнокомандующий войсками Орды (Мамай): по тебризским миниатюрам, около 1370 г., из альбомов

султана Мехмеда Фатиха в библиотеке дворца Топкапы-сарай и из альбома Дица из Пруссского культурного наследия в Берлине, по археологическим находкам в Прикубанье (боевой нож) и Туве (панцирь).

В – оглан – знаменосец: по миниатюрам багдадской рукописи поэма Хаджу Кирмани художника Джунайда Султана Багдади, 1390 г., Британский музей.

ширазской рукописи «Шах-намэ» 1340 г., из коллекции Жиллет, по археологическим находкам в Западной Сибири (пластинчато-кольчатый панцирь), Нижнем Поволжье (топорик, колчан, рукоять плети), Прикубанье (умбон щита):

шлем – из Топкапы-сарай; конский панцирь – из нижнего Поднепровья; конский налобник – из Государственного исторического музея, Москва.

С – оглан – знаменосец: панцирь – из Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург; шлем – из кургана в Поднестровье; меч – из раскопок Сарая ал-Джадид (Царевское городище в Волгоградской области).

Д – северокавказский князь: по археологическим находкам в Северном Предкавказье, костюм – по каменным рельефам из аула Кубачи в Дагестане,

меч в руках князя – «меч Харис ад-Дина» из Государственного Эрмитажа.

Е – северокавказский дружиинник- знаменосец: по археологическим находкам в Северном Предкавказье

Рис. 8. ВЫЕЗД ХАНА В МАВЕРАННАХРЕ
В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ
АМИРА ТИМУРА (ТАМЕРАНА),
конец XIV — начало XV в.

А – хан в воинском облачении:
по тебризским миниатюрам,
около 1370 г., и гератским миниатюрам
1-й трети XV в. из альбомов сultана
Мехмеда Фатиха в библиотеке Топкапы-сарай.

В – амир – командир гвардии:
по тем же изобразительным источникам.

С – оглан – знаменосец: по тем же
изобразительным источникам;
шлем – из Государственного Эрмитажа.

Д – беклабибек (амир Тимур):
по тебризским миниатюрам,
около 1370 г., из альбомов сultана
Мехмеда Фатиха, по багдадской миниатюре
Джунаида Султани к рукописи 1396 г.

поэмы Хаджу Кирмани в Британском музее;
топорик – из Булгарского улуса,
Государственный Исторический музей
в Москве

КИДАНЬСКИЕ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННЫЕ ВОИНЫ

1-4 – с картины китайского художника Чан Цуйчжун (эпоха Сун) «18 жалоб госпожи Цай Вэньчжи» (копия 2-й половины XIII в.);
 5,6 – с каменных рельефов киданьских гробниц в провинции Ляонин (северо-восток КНР); 7-10 – с картины китайского художника Сяо Чжао (эпоха Сун) «Возрожденные надежды и счастливые предзнаменования» (копия художника Сю Ина, эпоха Мин)

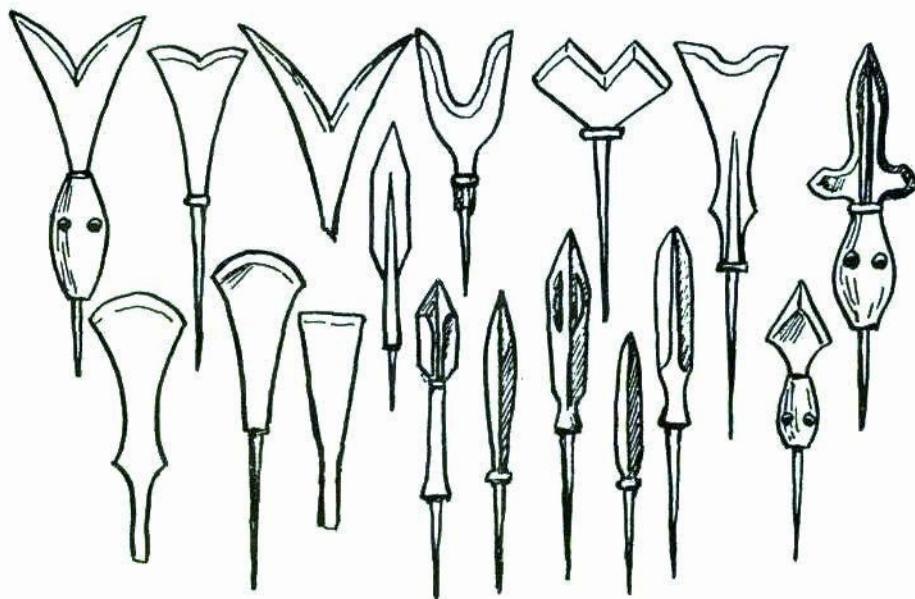

КИДАНЬСКИЕ ЛЕГКОВООРУЖЕННЫЕ ВОИНЫ

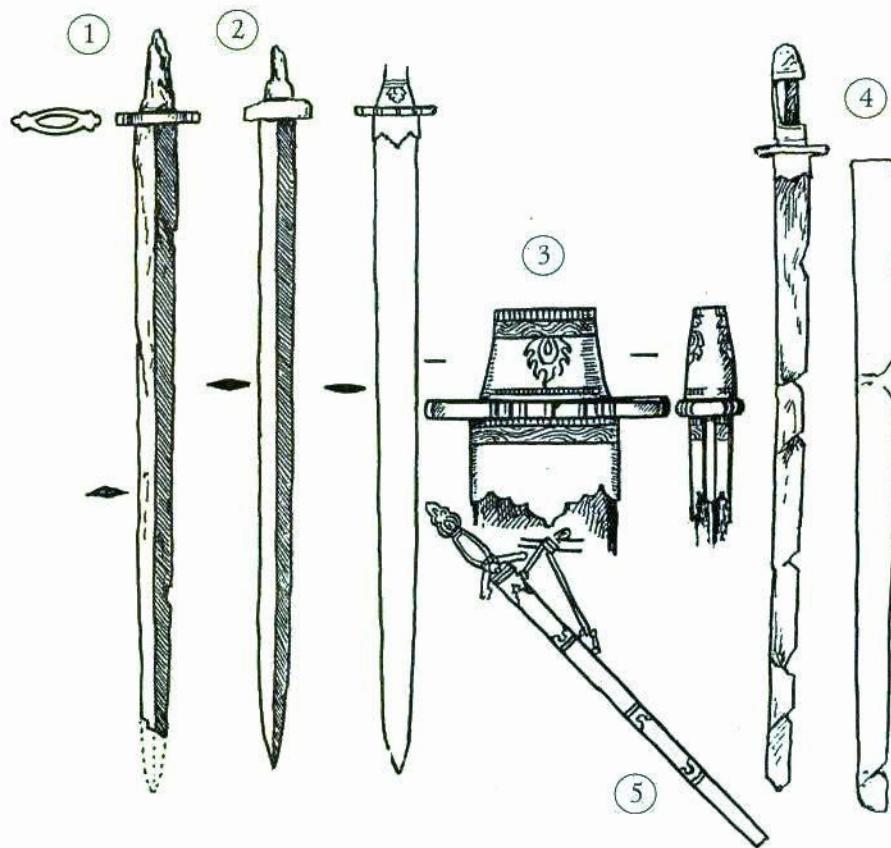
1,7-8 – с китайской картины XI в. «Охота императора династии Ляо»;
 2,4 – со стенописи киданьской гробницы в провинции Внутренняя Монголия (КНР);
 3 – с китайской картины эпохи Ляо;
 5 – с киданьского каменного рельефа в провинции Ляонин (северо-восток КНР);
 6 – с картины китайского художника Ли Цзанхуа, X в.;
 9 – с китайской картины «Встреча Су У и Ли Лина», конец IX в.

КИДАНЬСКИЕ
НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Из гробниц династии Ляо
в северном Китае

КИДАНЬСКИЕ МЕЧИ

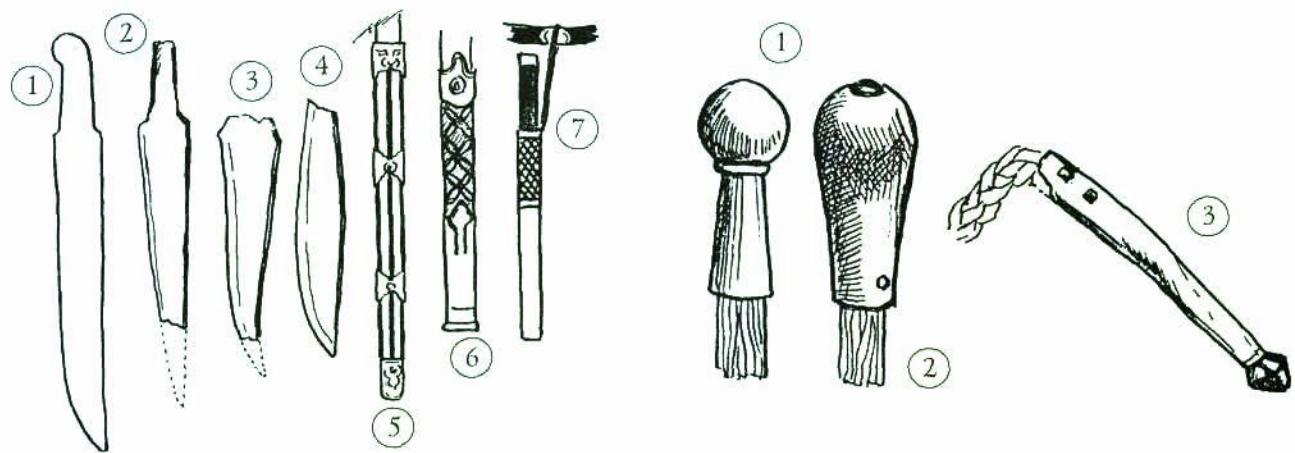
1-4 – из киданьских гробниц
на севере КНР:

1,2 – провинция Ляонин, X в.,
3 – Внутренняя Монголия,
XI в.,

4 – Внутренняя Монголия,
начало X в.;

5 – с китайской картины
эпохи Сун

КИДАНЬСКИЕ БОЕВЫЕ НОЖИ

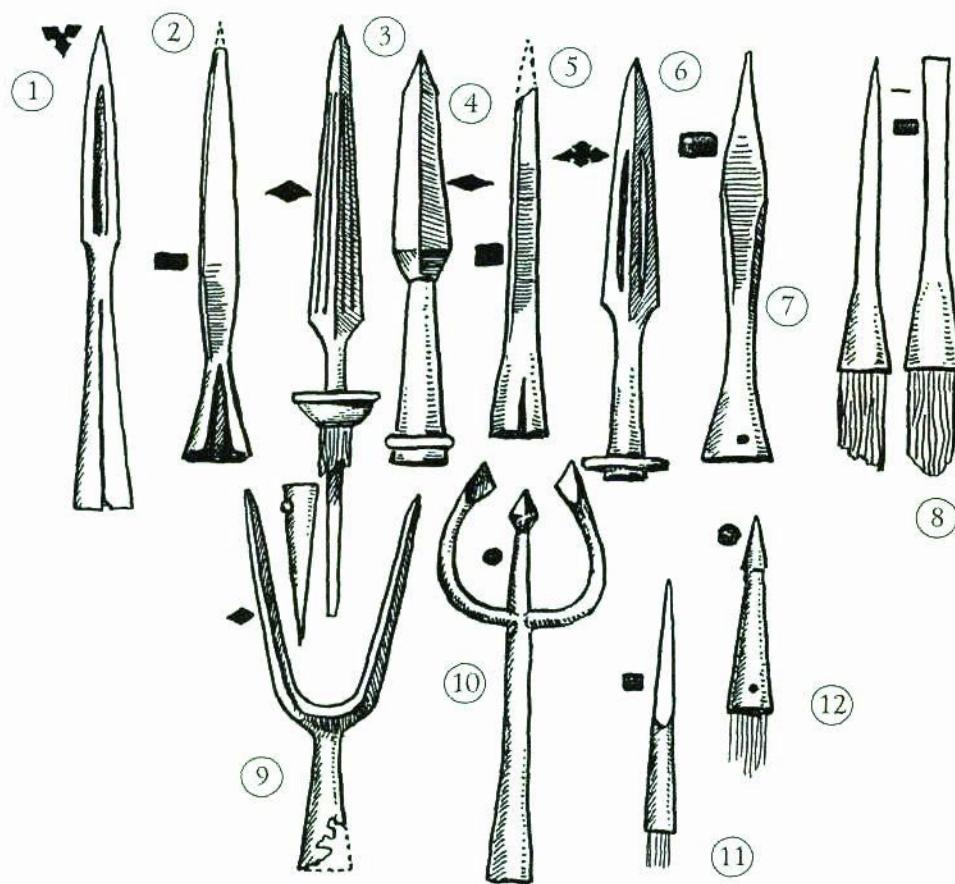
1-4 – из киданьских погребений в Монголии (МНР);
5-7 – с китайской живописи X-XII вв.

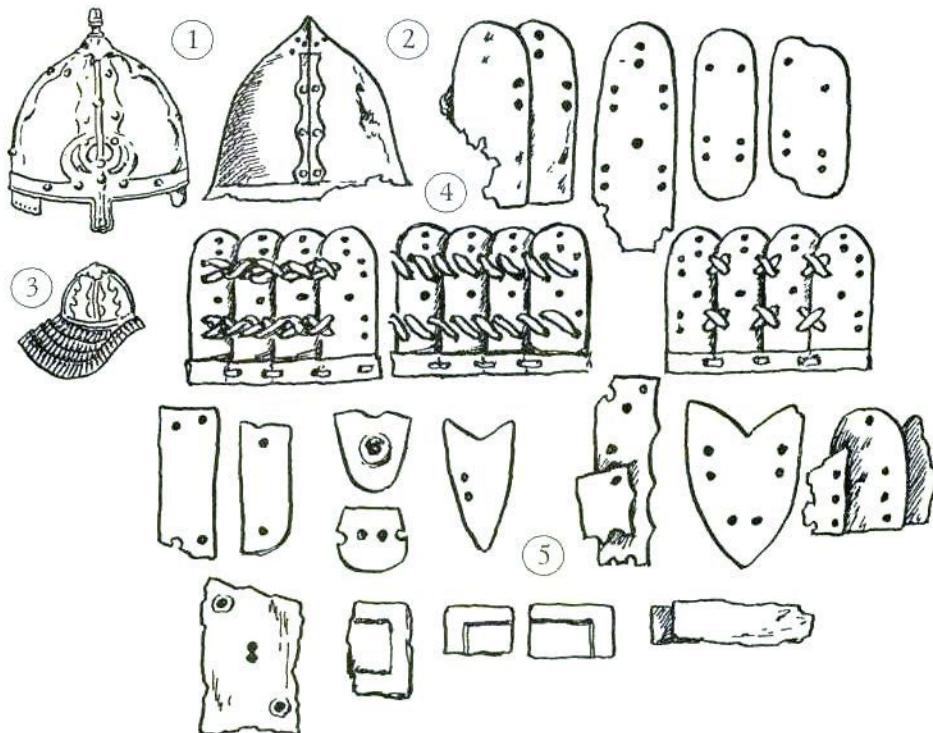
КИДАНЬСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ БУЛАВЫ (1,2) И КИСТЕНЬ (3)

Из киданьских гробниц во Внутренней Монголии (КНР)

КИДАНЬСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ (1-8), БОЕВЫХ ВИЛ (9,10) И ДРОТИКОВ (11,12)

Из киданьских погребений на севере КНР

КИДАНЬСКИЙ ДОСПЕХ

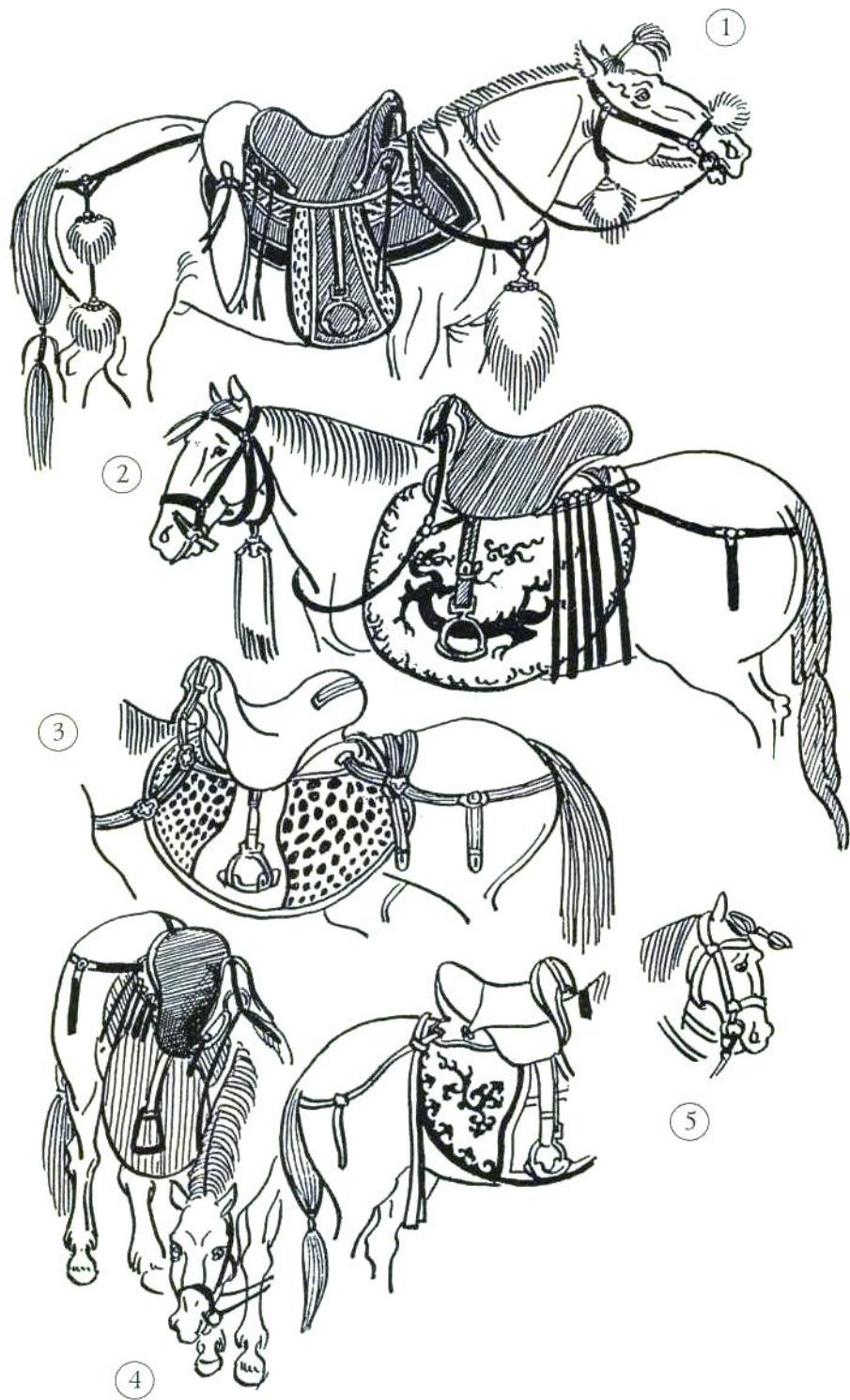
1 – железный шлем принца династии Ляо из его гробницы во Внутренней Монголии (КНР), 959 г.;
 2 – железный шлем из киданьской гробницы в Монголии (МНР), X–XI вв.;
 3 – шлем с картинки китайского художника Чан Цуйчжуна «18 жалоб госпожи Цай Вэньчжи»;
 4,5 – железные пластины (4 – частично позолочены) из киданьских погребений в Монголии

КИДАНЬСКИЕ КОНИ В ДОСПЕХАХ

С картины Чан Цуйчжуна «18 жалоб госпожи Цай Вэньчжи»

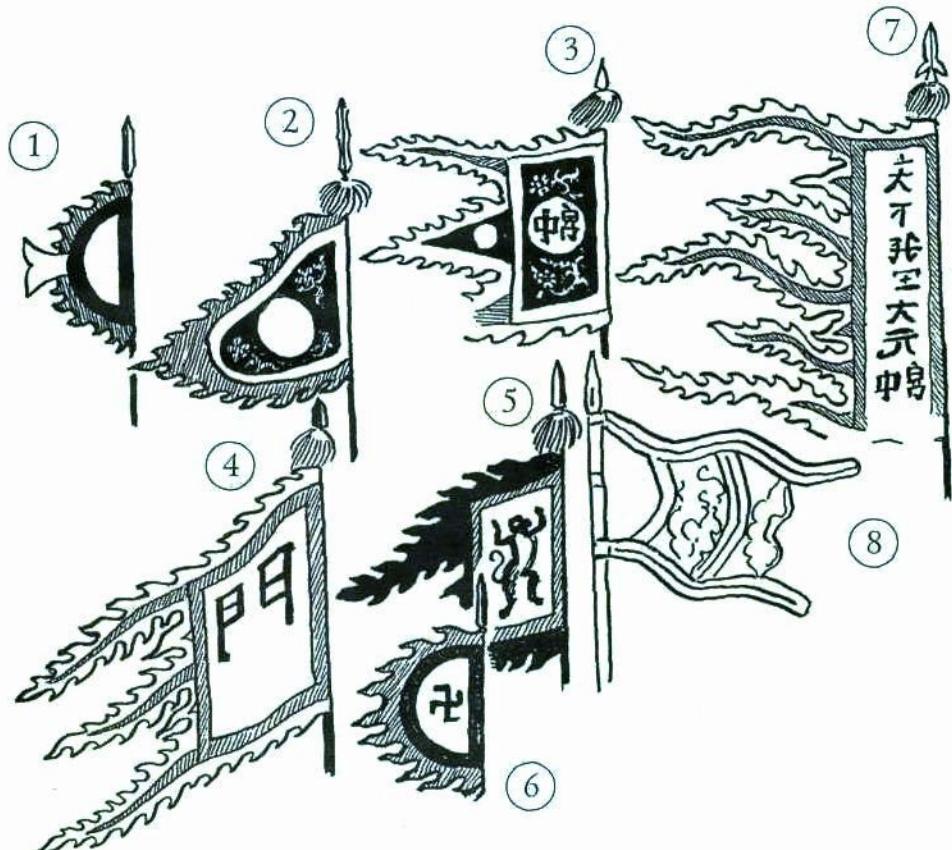

КИДАНЬСКОЕ КОНСКОЕ
СНАРЯЖЕНИЕ

1,4 – с китайских картин;
2,3,5 – со стенописи
киданьской гробницы
на северо-востоке КНР

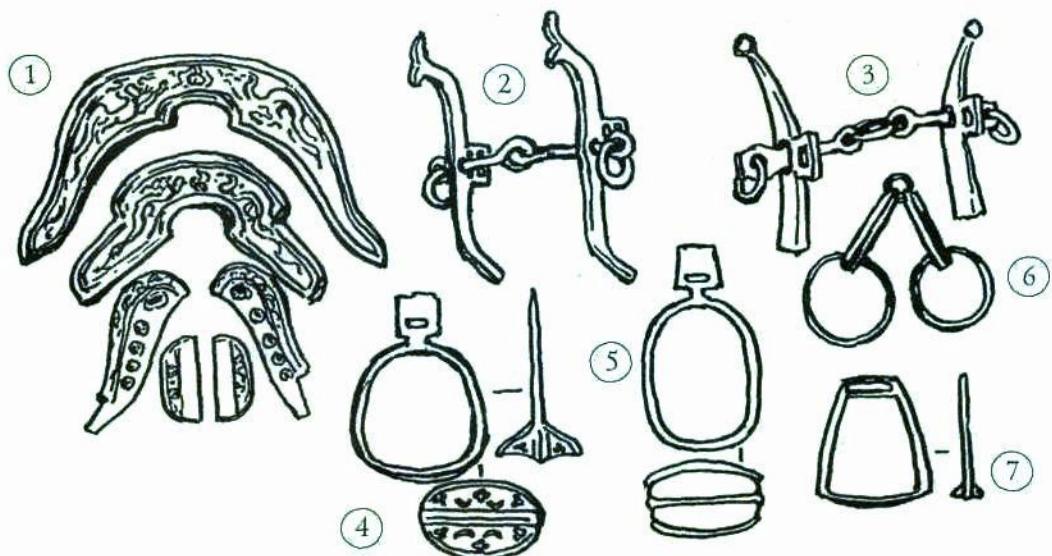

КИДАНЬСКИЕ ФЛАГИ И ЗНАМЕНА

1-6 – с картины китайского художника Сяо Чжао «Возрожденные надежды и счастливые предзнаменования»; остальные – с каменных рельефов из гробниц в провинции Ляонин (КНР)

КИДАНЬСКОЕ КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

1 – серебряные с позолотой оковки седла, 2,3 – удила, 4 – стремя – все из гробницы принца династии Ляо во Внутренней Монголии (КНР), 959 г.; 2,5,6 – из киданьских погребений на северо-востоке КНР

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ ВОИНЫ

XI – начало XII вв.

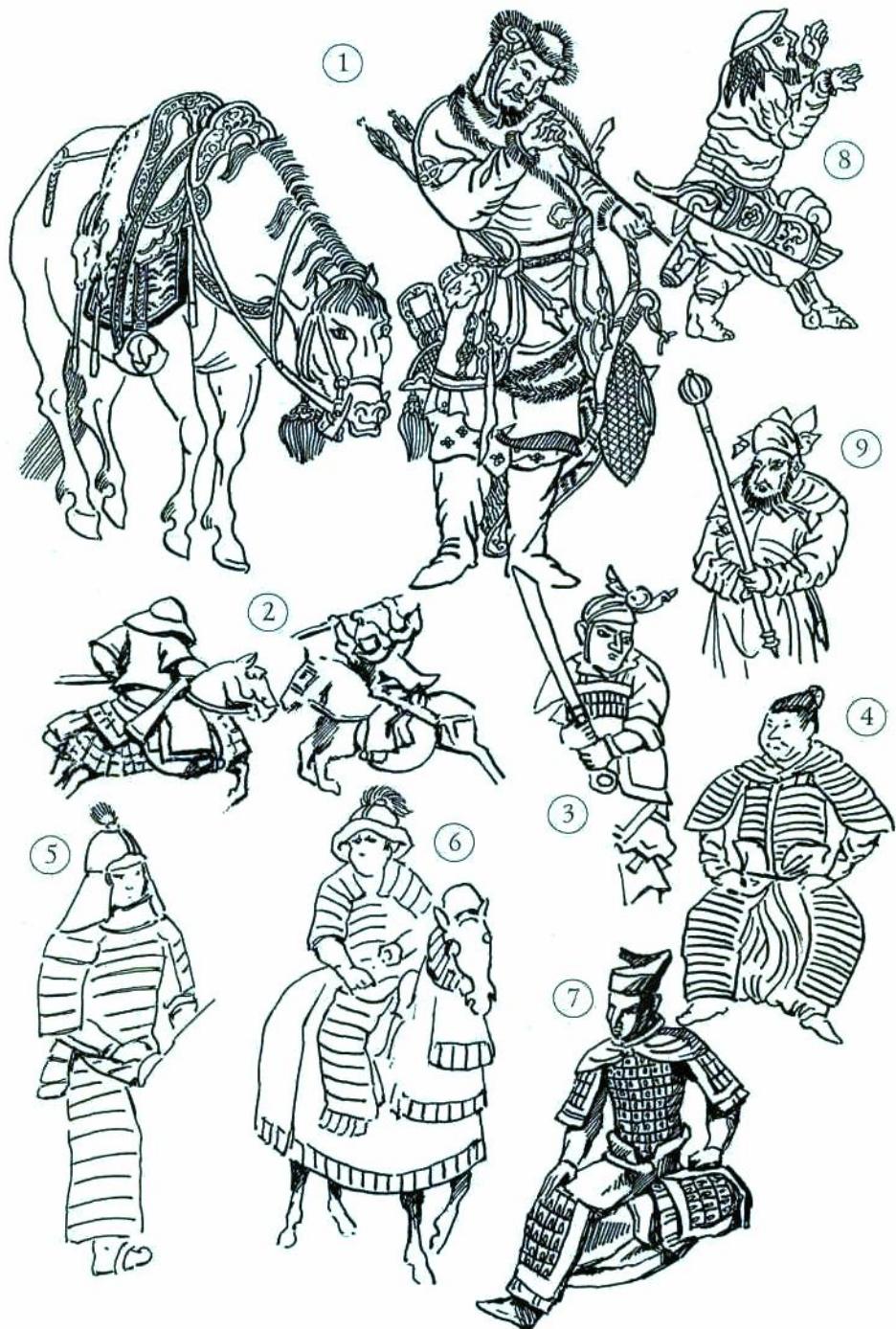
1,5,6 – с китайских

картин XII в.;

2,3 – с каменных рельефов из гробниц чжурчжэнской династии Цзинь на севере КНР;

4,8,9 – со стенописи в чжурчжэнской гробнице на северо-востоке КНР, XII в.;

7 – глиняная скульптура из гробницы эпохи Цзинь, XII в.

ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ XI – начало XIII вв.

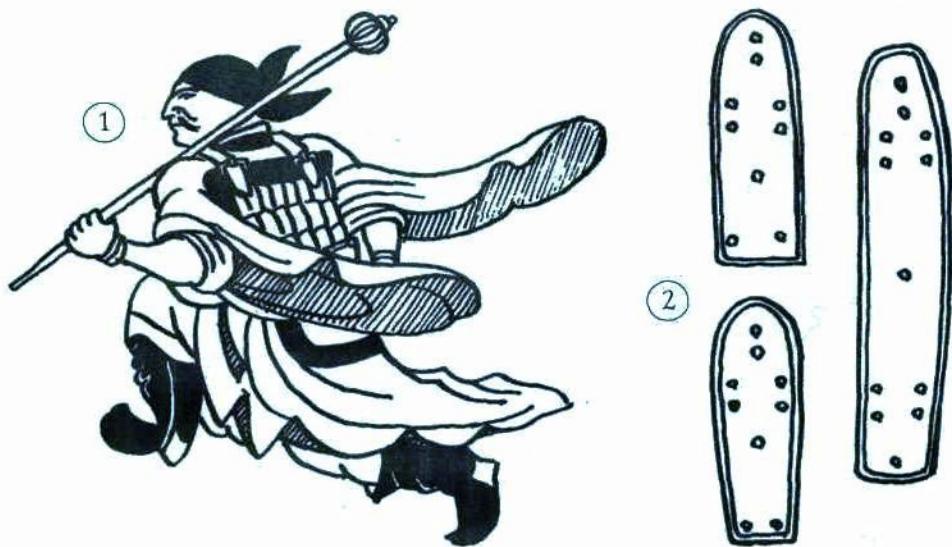
По материалам археологических раскопок на северо-востоке КНР и в российском Приамурье и Приморье

КИТАЙСКИЕ ВОИНЫ И ВООРУЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ЮЖНАЯ СУН, XI–XIII вв. →

1-6 – с китайских картин;
7,8 – с иллюстраций военной энциклопедии 2-й пол. XI в. «Уцзин Цзунъяо» (8 – реконструкция автора);
9 – с росписей гробниц;
остальные – по археологическим находкам в провинции Сычуань (КНР)

ТАНГУТСКИЙ ВОИН И ЕГО ОРУЖИЕ

1 – с буддистской тангутской иконописи из Хара-Хото в провинции Цинхай (северо-запад КНР), XII в.;
2 – из тангутского погребения XI–XII вв. в провинции Цинхай

ТАТАРЫ

С китайских картин XI–XIV вв.

МОНГОЛЬСКИЕ ЛУЧНИКИ И СЛАДАЧНЫЕ ПОЯСА XIII–XIV вв.

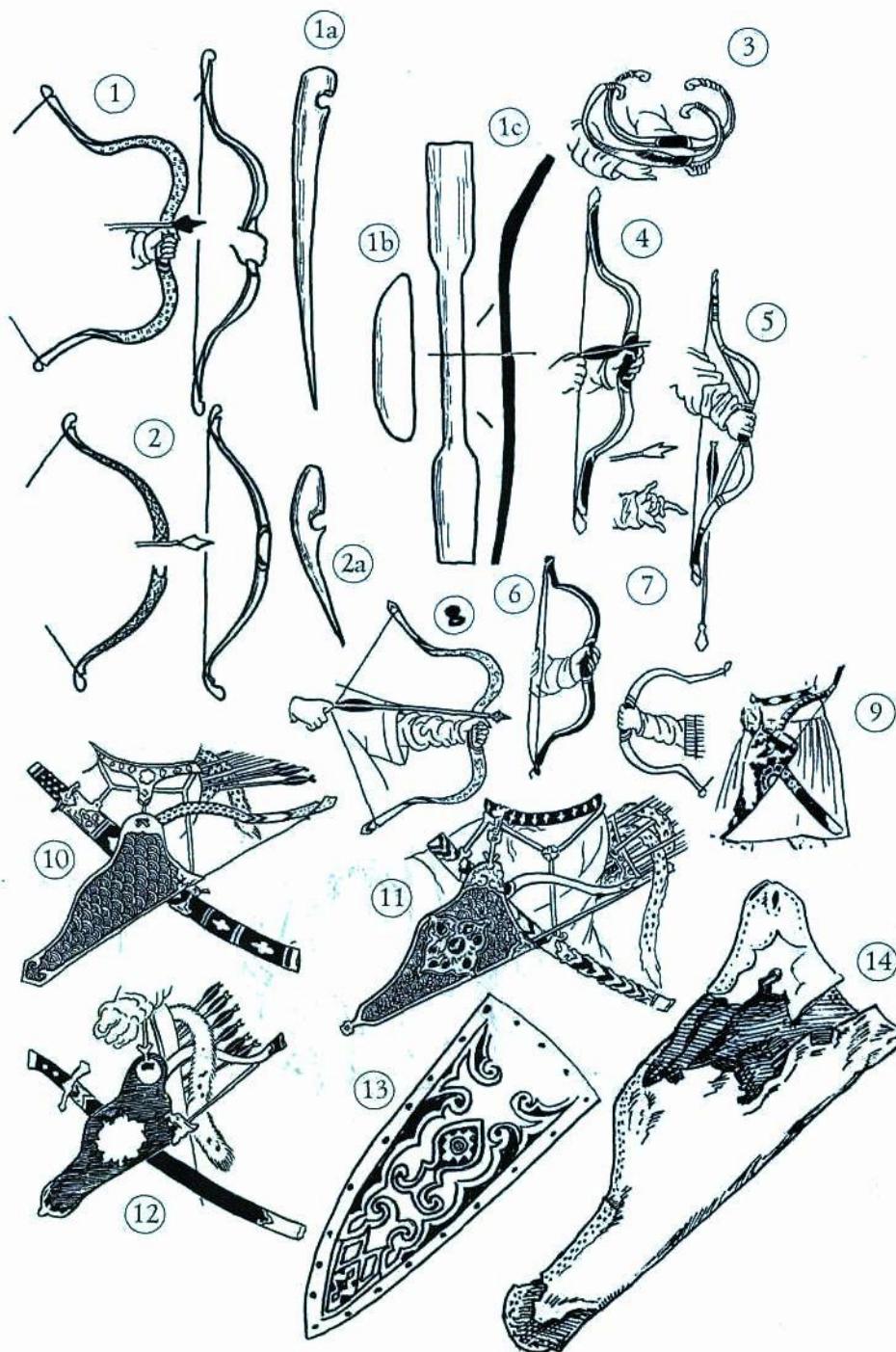
1 – с тебризской миниатюры, начало XIV в.;
 2,3 – с тебризской миниатюры 1306–1307 г.;
 4 – из золотоордынского погребения, конец XIII – начало XIV в. в Волгоградской области;
 5 – золото и сердолики, 1 половина XIV в., из Симферопольского клада в Крыму (реконструкция автора)

МОНГОЛЬСКИЕ КОЛЧАНЫ XIII–XIV вв.

1 – с тебризской миниатюры-диптиха, начало XIV в.; 2-5,9 – с тебризских миниатюр 1306–1307 г.;
 6-8 – с каменных рельефов из аула Кубачи в Дагестане, XIV в.;
 10 – с иконы «Св. Георгий», Иерусалимское королевство, 2 половина XIII в.;
 11-15 – декор колчанов из резных костяных накладок: 11 – район оз. Байкал, 12,13,15 – нижнее Поволжье,
 14 – нижнее Поднепровье;
 16,17 – с тебризских миниатюр 30-х гг. XIV в.

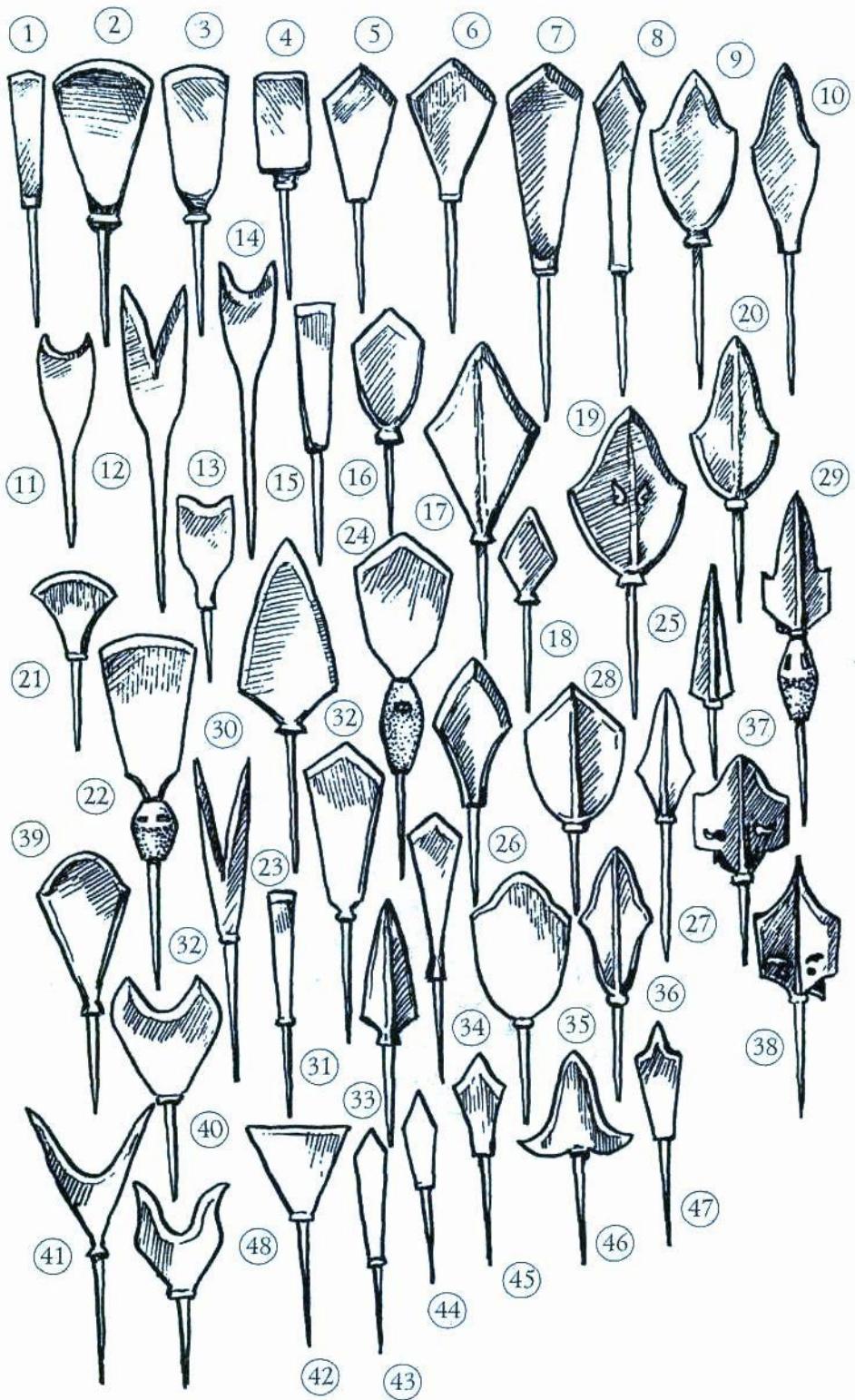
МОНГОЛЬСКИЕ ЛУКИ И
НАЛУЧИ XIII– XIV вв.

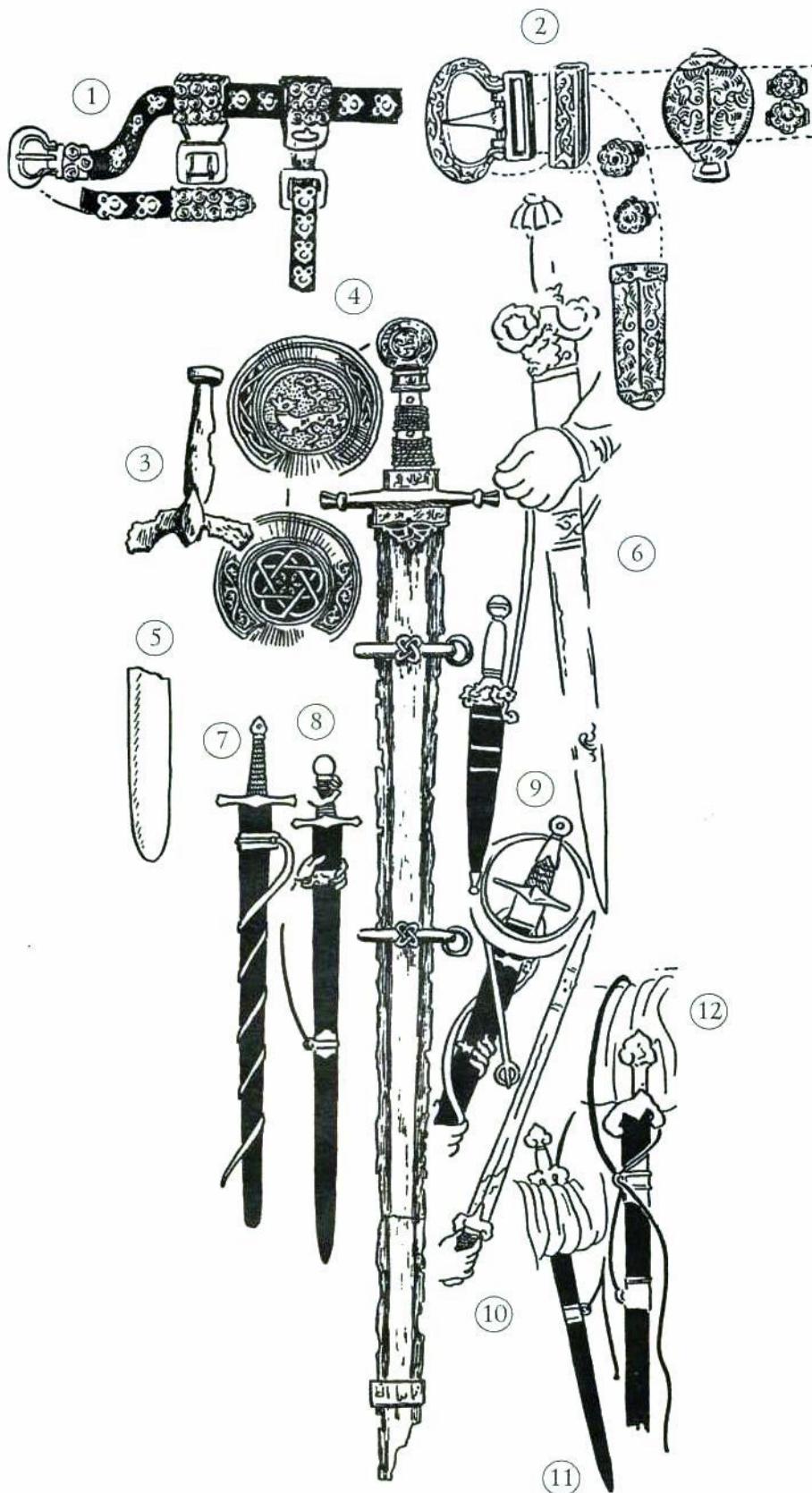
1 – лук первого
('китайского') типа;
а – костяные накладки
на «рога»;
б,с – костяные накладки
на рукоять;
2 – лук второго
('ирано-туркского') типа;
3-5,7 – с тебризских
миниатюр 1306–1307 гг.;
6,10-12 – с тебризских
миниатюр 30-х гг. XIV в.;
8 – с тебризской миниатюры
начала XIV в.;
9 – с китайской картины
эпохи Юань, конец XIII в.;
13 – резная костяная
накладка на нижний конец
налуча, из золотоордынского
погребения, конец XIII–XIV вв.
в нижнем Поволжье
14 – из золотоордынского
погребения, конец XIII–XIV вв.
в Волгоградской области;

МОНГОЛЬСКИЕ
НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ
XIII—XIV вв.

1-18 – из Каракорума
в Монголии;
19-24, 37 – из Монголии;
25-36 – из Узбекистана;
38-45 – из южной Украины;
46-48 – из Прикубанья

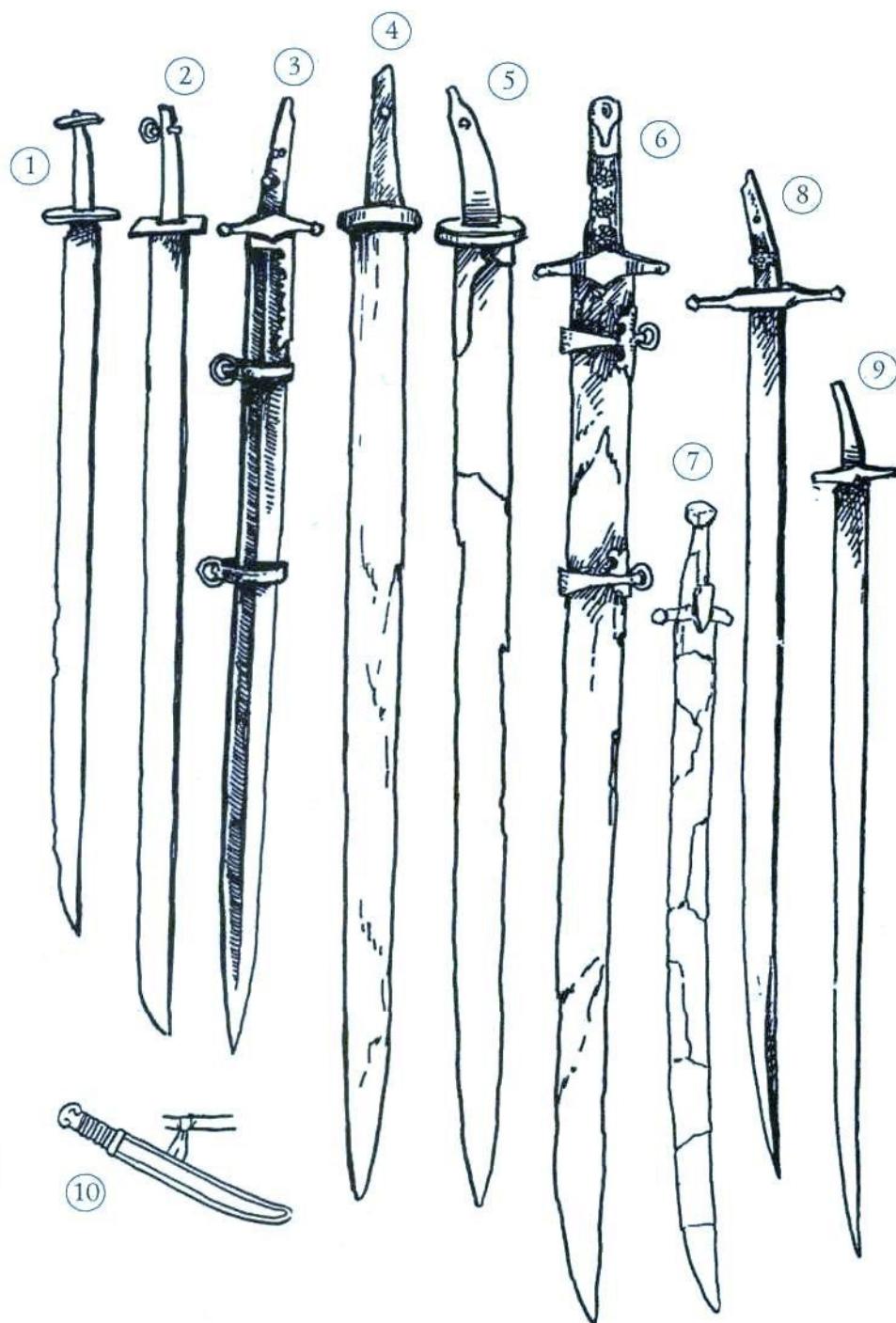

МОНГОЛЬСКИЕ МЕЧИ И
КЛИНКОВЫЕ ПОЯСА
XIII—XIV вв.

1 – клинковый пояс, резной камень, из Хакасии,
1 половина XIII в.;
2 – клинковый пояс, золото, из Монголии,
начало XIII в.;
3 – железная рукоять меча,
из нижнего Поволжья,
начало XIV в.;
4 – меч с клинком дамасской
стали и серебряной
фурнитурой с именем Харис
ад-Дина, сделана
в г. Великий Булгар,
30-е гг. XIV в.;
5 – из Каракорума
в Монголии, середина XIII в.;
6 – с тебризской миниатюрой,
середина XIV в.;
7–10 – с тебризских
миниатюр 30-х гг. XIV в.;
11,12 – арабские мечи,
с тебризских миниатюр
1306–1307 гг.

МОНГОЛЬСКИЕ ПАЛАШИ
XIII—XIV вв.

1,2 – из Монголии;

3 – из Тувы;

4 – из западного
Казахстана;

5 – из нижнего Поволжья;

6 – из нижнего Подонья;

7 – из нижнего Поднепровья;

8,9 – из Хакасии;

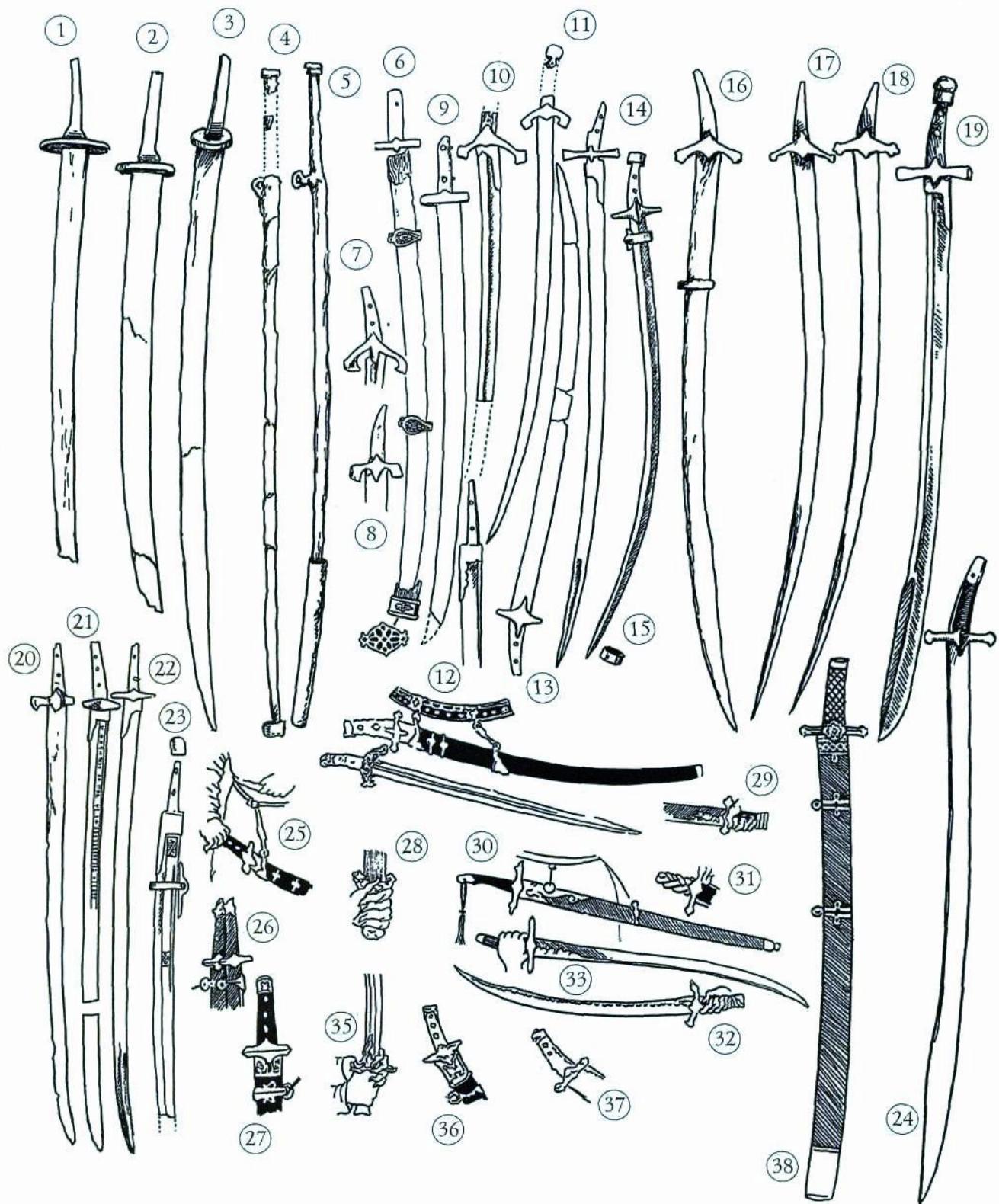
10 – с глиняной статуэтки

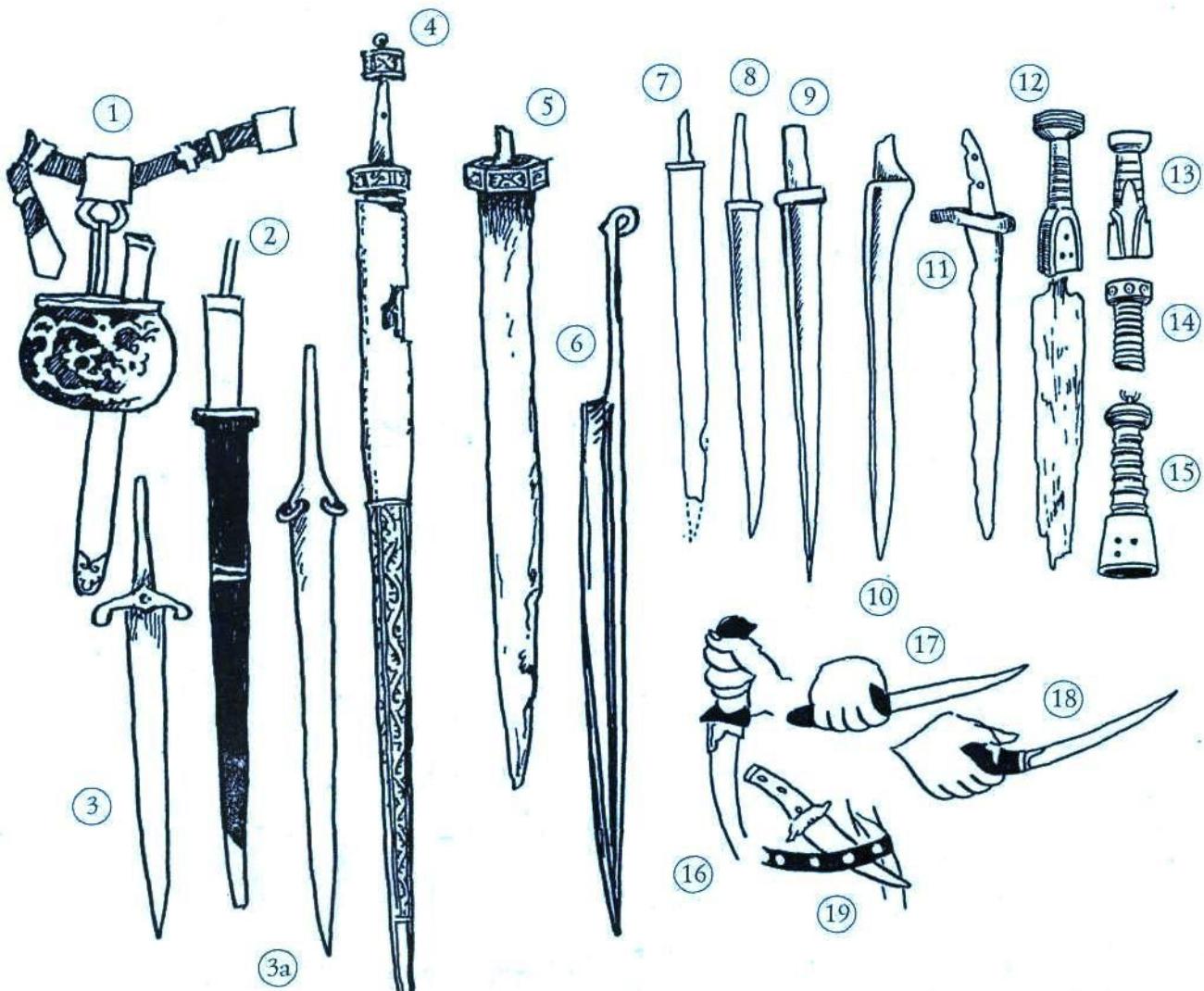
из погребения монгольского

чиновника эпохи Юань

в Китае, начало XIV в.

МОНГОЛЬСКИЕ КИНЖАЛЫ И БОЕВЫЕ НОЖИ XIII—XIV вв.

1,2,16–19 – с тебризских миниатюр;

3,3а,6 – из Волжско-Камской Булгарии золотоордынского периода;

4,5 – с серебряной отделкой, из золотоордынских погребений в Прикубанье;

7–10,15 – из золотоордынских погребений на юге Украины и в Прикубанье;

11 – из южного Приуралья;

12–14 – из нижнего Поволжья

← МОНГОЛЬСКИЕ САБЛИ XIII—XIV вв.

1–3 – из Монголии; 4,5 – из Поросья в среднем Поднепровье;

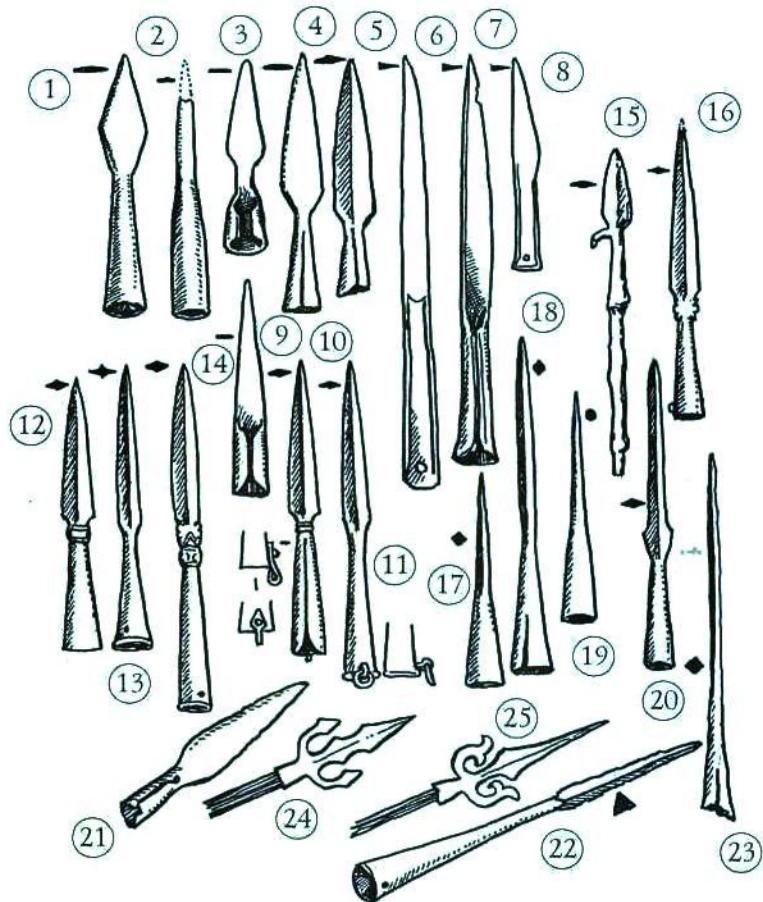
6,9,12–14,20,23 – из разных мест Украины; 7,8,10,11,15,17–19,22 – из Прикубанья;

16 – из золотоордынского погребения в Нижнем Поволжье;

21 – работа мастера Хачатура из армянской колонии в золотоордынском городе Великий Булгар в Волго-Камье, конец XIII – 1 половина XIV вв.; 24 – трофеи мамлюков или мамлюкская работа XIV в. по монгольскому образцу, Военный Музей в Стамбуле;

25–38 – с тебризских миниатюр XIV в.

**МОНГОЛЬСКИЕ
НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ
XIII—XIV вв.**

1 – из Каракорума,
середина XIII в.;
3,9 – из района оз. Байкал;
4,6-8 – из Монголии
и Бурятии;
5 – из Монголии;
10,11 – из Тувы,
50-70-е гг. XIV в.;
12-14 – из Узбекистана;
15 – из Великого Булгара;
16 – из юго-западной
Украины;
17 – из Поросья в среднем
Поднепровье;
18,19 – из нижнего
Поднепровья;
20 – из Прикубанья;
21-23 – из нижнего
Поволжья
24,25 – с тебризских
миниатюр 1306–1307 гг.

**МОНГОЛЬСКИЕ БОЕВЫЕ
ТОПОРЫ
XIII—XV вв.**

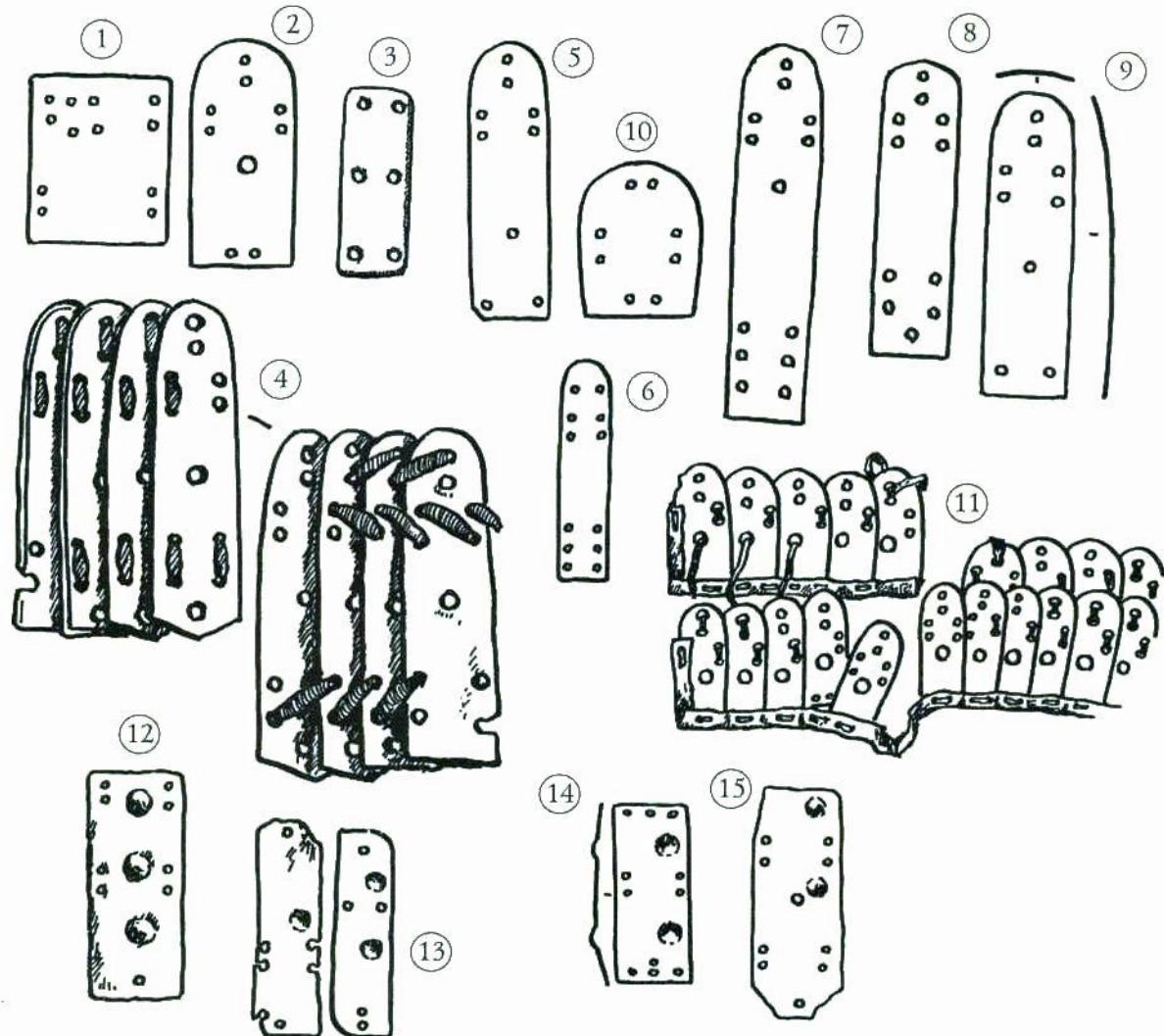
1,2,4 – из района оз. Байкал,
XIII в.;
3 – из Каракорума;
5,7 – из нижнего Поволжья
и бассейна р. Урал,
XIII–XIV вв.;
6 – из золотоордынского
слоя Биляра,
2 половина XIII–XIV вв.;
8 – из нижнего Поволжья,
XIV в.;
9 – из Молдовы, 2 половина
XIII – 1 половина XIV вв.;
10-15 – из Волжско-Камской
Булгарии, XIV–XV вв.;
16-19 – из северного
Предкавказья, XIV в.

**МОНГОЛЬСКИЕ БУЛАВЫ
(1-35) И КИСТЕНИ (36-42)
XIII–XIV вв. →**

1-6,12,16,17,37,39-41 –
из южной Украины;
7,8,15,37,38 – из Волжско-
Камской Булгарии;
9-11,14,18,20 – из северного
Предкавказья;
13 – из Узбекистана;
19,21,38 – из нижнего
Поволжья;
22 – из нижнего Подонья;
23-36 – с тебризских
миниатюр 1306–1307 гг.

ПЛАСТИНЫ МОНГОЛЬСКОГО ЛАМЕЛЛЯРНОГО ПАНЦИРЯ XIII–XIV вв.

По материалам археологических раскопок

1,2,11 – из Сан Пао в провинции Синьцзян (северо-запад КНР);

3 – из района оз. Байкал;

4,5 – из Хара-Хото в провинции Цинхай (северо-запад КНР);

6,7 – из Самарканда;

8 – из Волжско-Камской Булгарии;

9 – из Монголии;

10 – из провинции Цинхай (северо-запад КНР);

12,13 – из северного Предкавказья;

14 – из округи г. Киева;

15 – из Хакасии

МОНГОЛЬСКИЕ ЛАМЕЛЛЯРНЫЕ ПАНЦИРИ ПОКРОЯ «КИРАСА–КОРСЕТ» XIII–XIV вв. →

1-4 – с тебризских миниатюр, начало XIV в.;

5 – с ширазской миниатюры 1331 г.;

6-9 – с тебризских миниатюр 30-х гг. XIV в.;

10 – с китайского каменного рельефа из гробницы эпохи Юань, начало XIV в.;

11 – с иллюстрации в китайской энциклопедии эпохи Юань;

12 – с картины японского художника Тоса Нагатака «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г.;

13 – панцирь из могилы-кенотафа в южном Приуралье (пластины, реконструкция М.В.Горелика), XIII в.

МОНГОЛЬСКИЕ ЛАМЕЛЛЯРНЫЕ ПАНЦРИ ПОКРОЯ «ХАЛАТ» XIII—XIV вв.

1-7 – с тебризских миниатюр, начало XIV в.; 8 – с ширазской миниатюры 1330–1340 гг.;

9 – с багдадской миниатюры 1340 г.; 10 – с тебризской миниатюры 30-х гг. XIV в.;

11 – с бронзовой гравированной пластинки из золотоордынской столицы северного Предкавказья –
Маджар (ныне г. Буденновск Ставропольского края);

12 – с гравированного бронзового сосуда, сделанного в Дамаске в 1290–1310 гг.; 13 – с картины китайского художника

Ван Ченчженя (1280 – 1329); 14 – из китайской энциклопедии «Шимин гүян ци» эпохи Юань;

15 – панцирь из золотоордынского погребения (середина – 2-я половина XIII в.) на левобережье нижней Волги в западном
Казахстане (реконструкция М.В.Горелика)

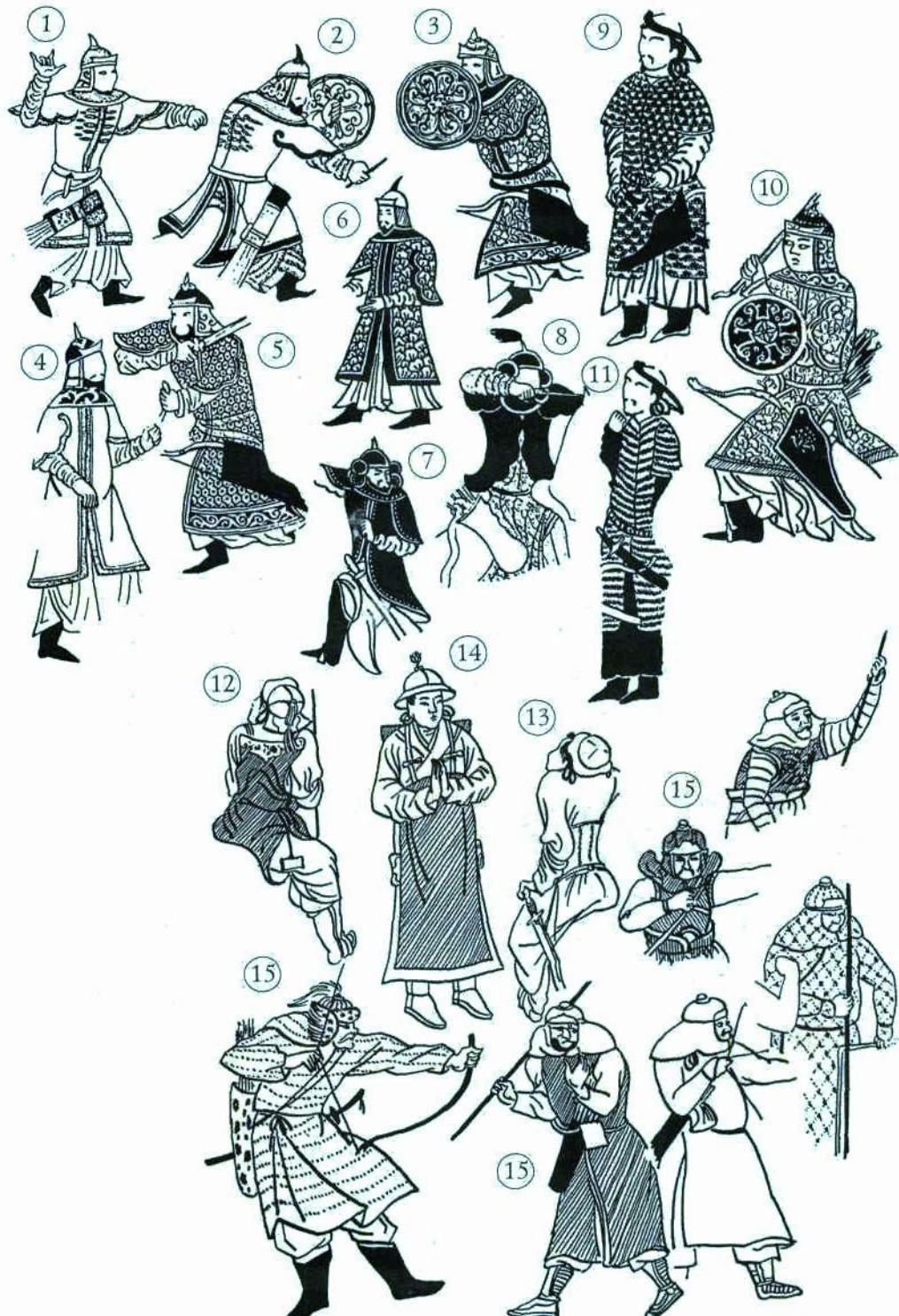

МОНГОЛЬСКИЕ ЛАМИНАРНЫЕ (1-9) И КОМБИНИРОВАННЫЕ –
ЛАМЕЛЯРНО-ЛАМИНАРНЫЕ (10-18) ПАНЦИРИ XIII–XIV вв.

С тебризских (1–6, 8–18) и багдадской (7) миниатюр, 1 половина XIV в.

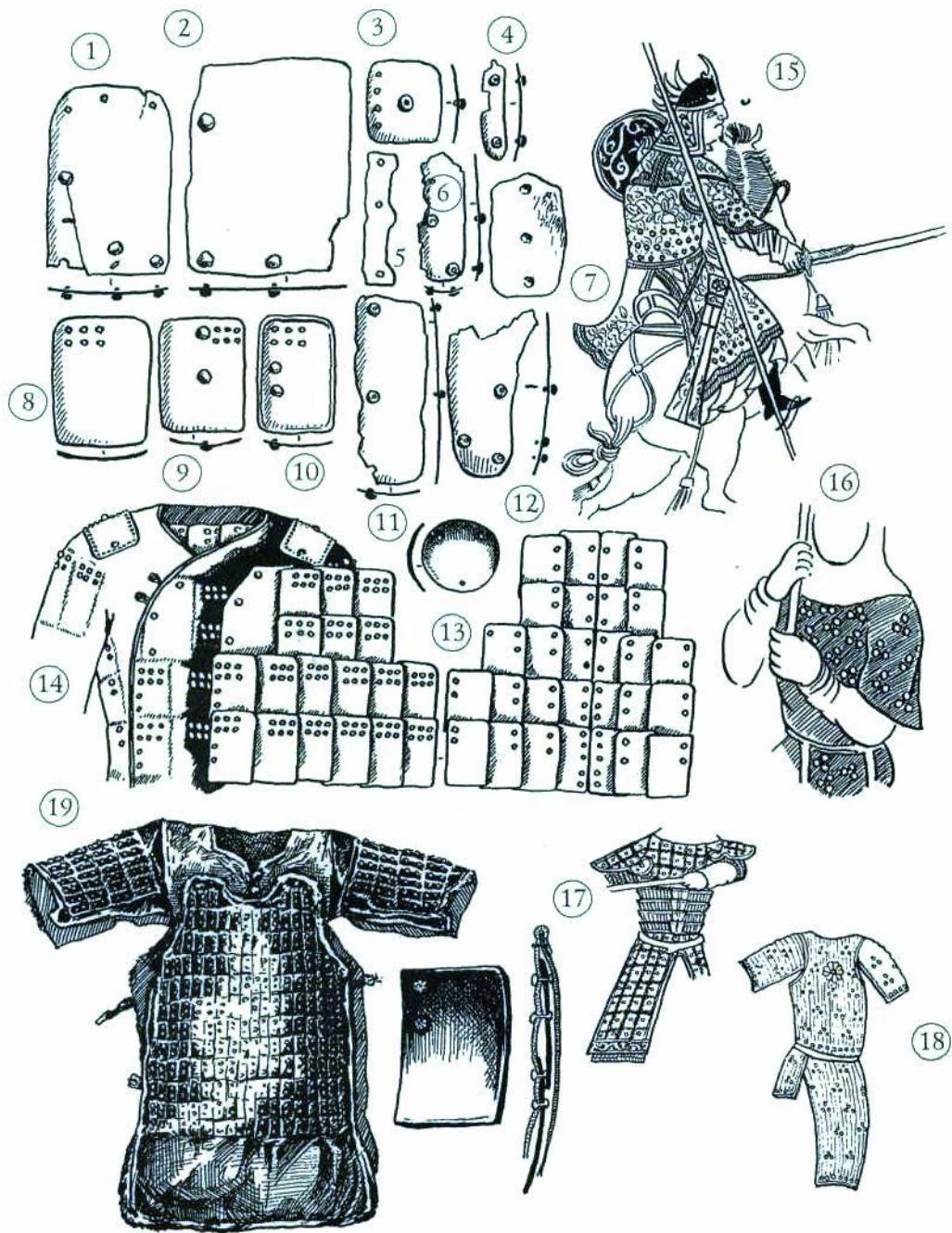

МОНГОЛЬСКИЕ ПАНЦИРИ XIII–XIV вв. ИЗ МЯГКИХ МАТЕРИАЛОВ – «ХАТАНУ ДЕГЕЛЬ»

1-11 – с иранских миниатюр 1 половины XIV в.; 12 – с картины китайского художника Лю Гуантао «Охота императора Хубилая», начало XIV в.; 13 – с китайской картины на ту же тему того же периода; 14 – с настенной живописи эпохи Юань из буддистского пещерного храма в провинции Синьцзян (северо-запад КНР); 15 – с японской картины «Сказание о монгольском нашествии» художника Тоса Нагатака, 1292 г.

ПАНЦИРИ УСИЛЕННЫЕ «ХАТАНГУ ДЕГЕЛЬ», XIII – начало XV вв.

1 – из Западной Сибири; 2 – из раскопок в золотоордынском Аккермане (ныне г. Белгород-Днестровский);

3-6,9,11,12 – из золотоордынских городов и поселений Волжско-Камской Булгарии;

7 – из района оз. Байкал; 8,13 – из Бурятии;

10 – из Монголии; 14 – из Хакасии (реконструкция М.В.Горелика);

15 – с тебризской миниатюры 1306–1307 гг.;

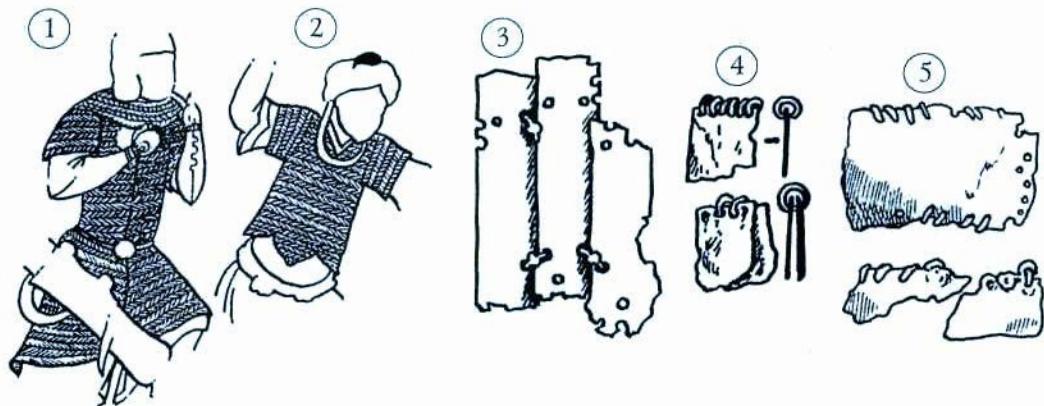
16 – с тебризской миниатюры 30-х гг. XIV в.;

17 – с тебризской миниатюры, середина XIV в.;

18 – с тебризской миниатюры 1370 г.;

19 – панцирь из Государственного Эрмитажа, конец XIV – начало XV вв.

КОЛЬЧУГИ И КОЛЬЧУЖНО-ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПАНЦИРИ ЗАПАДНЫХ УЛУСОВ
ИМПЕРИИ ЧИНГИЗИДОВ, XIV – начало XV вв.

1 – с ширазской миниатюры 1397 г.; 2 – с багдадской миниатюры 1396 г.; 3-5 – золотоордынские кольчачно-пластинчатые брони из погребений в западной Сибири (3), южном Приуралье (4) и Прикубанье (5)

МОНГОЛЫ
С китайской картины рубежа IX–X вв.

МОНГОЛЬСКИЕ ШЛЕМЫ
XIII–XIV вв. (РЕАЛЬНЫЕ
ОБРАЗЦЫ)

1 – из золотоордынского погребения в южном Приуралье, XIII в.;

2 – из Перми, XIII–XIV вв.;
3,9,14,17-19,21,22 – из золотоордынских погребений в северном Предкавказье (3,14,17,22 – XIII в., остальные – XIV в.);

4 – из Хакасии;
5,10 – из Китая, XIII в.;
6,8 – из золотоордынских погребений в Приднестровье, конец XIII в.;
7,16,23 – из золотоордынских погребений в Поросье на среднем Поднепровье, 2 половина XIII – начало XIV вв.;

11 – из Казахстана, XIII в.;

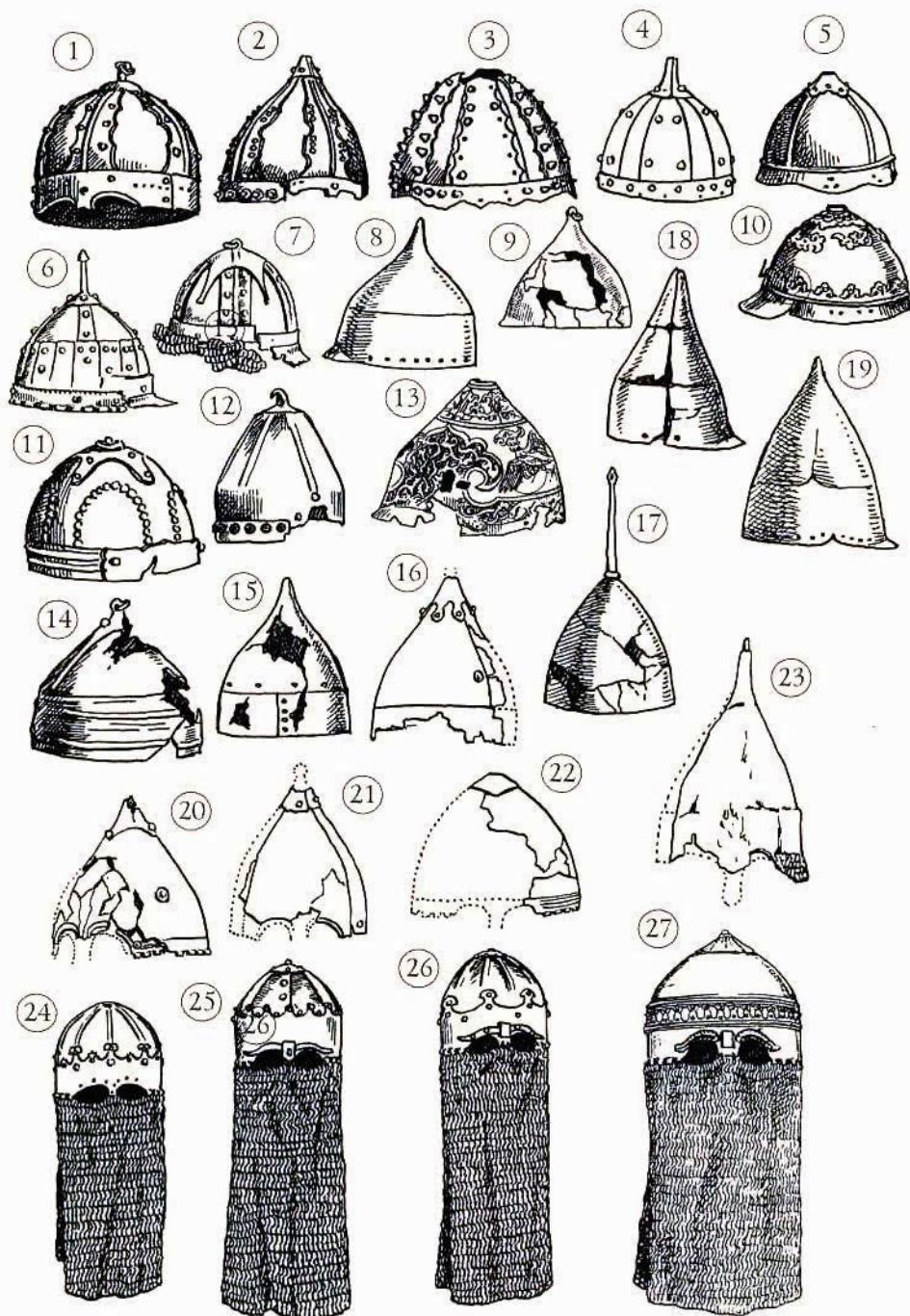
12 – из собрания графа Вилчека, конец XIII – начало XIV вв.;

13 – из хулагуидского Ирана, конец XIII в.;

20 – из золотоордынского погребения в Приазовье, XIV в.;

24-26 – из хулагуидского Ирана, 30-е гг. XIV в.;

27 – из Ирана, последняя треть XIV – начало XV в.

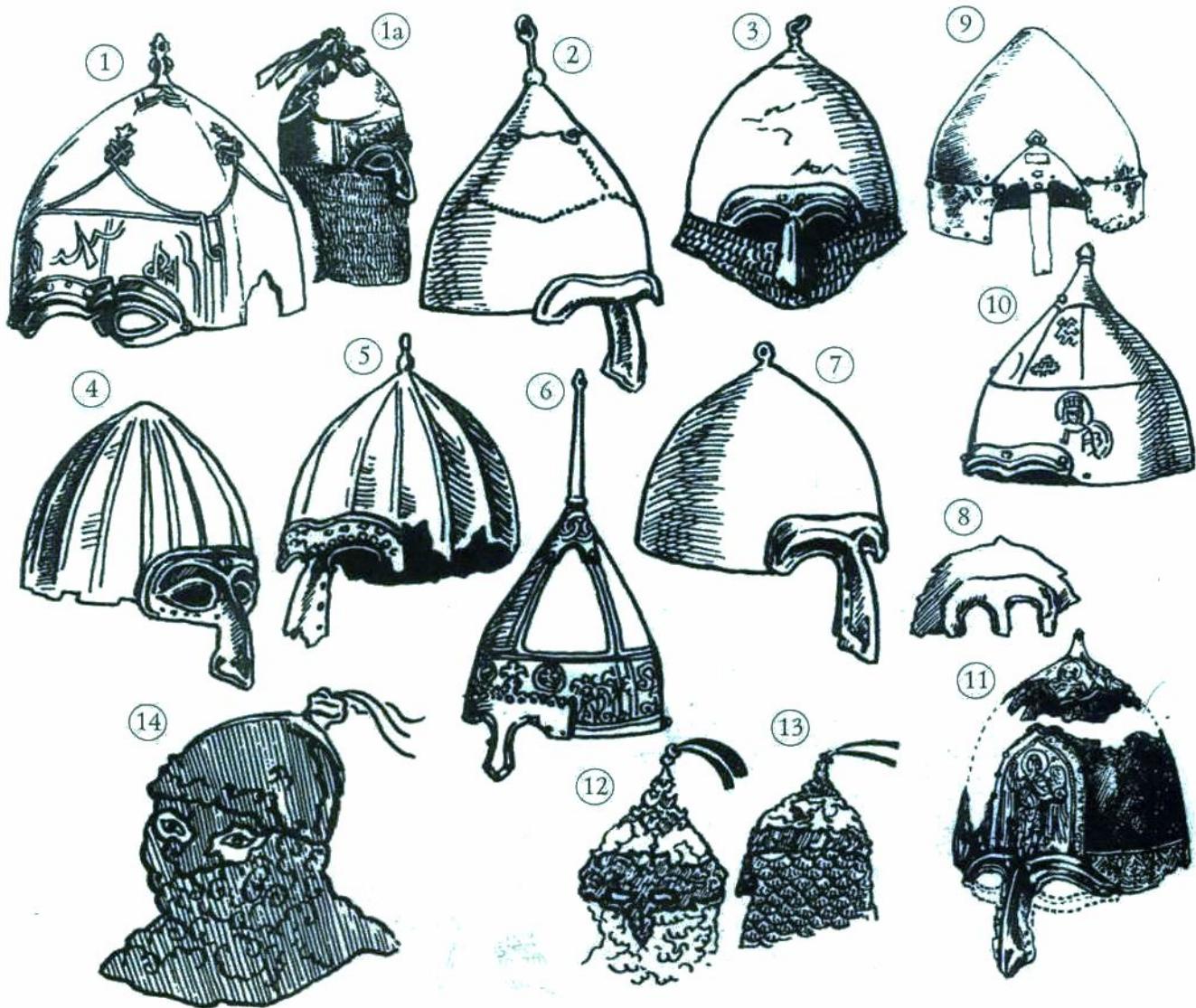

ИЗОБРАЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ШАЛЕМОВ XIII–XIV вв.

1 – с сирийского бронзового сосуда, конец XIII – начало XIV вв.; 2-21,23-61 – с иранских миниатюр:
 2-6,9-14,16-21,52 – Тебриз, начало XIV в.; 7,8,15,22-24,31,32,47-51 – Тебриз, 30-е гг. XIV в.;
 25-30,33-38,40-42 – Шираз, 1330 –1340 гг.; 43,53-60 – Тебриз, 1 половина – середина XIV в.;
 61 – Тебриз, 1370 г.; 22 – Багдад, 1339 г.

**МОНГОЛЬСКИЕ ШЛЕМЫ С НАНОСНИКАМИ, НАДБРОВЬЯМИ И ЗАБРАЛАМИ-ПОЛУМАСКАМИ (1-9, 12-14)
И ИХ РУССКИЕ ПОДРАЖАНИЯ (10,11), середина XIII – 1 половина XIV вв.**

1 – посеребренный, с золотым и черневым декором, с остатками арабской надписи на челе, из Городца на Волге, работа монгольских мастеров в Иране, середина XIII в. (1a – реконструкция шлема М.В.Горелика);

2 – золоченый, из золотоордынского кочевнического погребения в Южной Украине, середина XIII – начало XIV вв.;

3 – золоченый, из золотоордынского кочевнического кургана – погребения половецкого хана на р. Чингул в Запорожье, 2 половина XIII в.; 4 – золоченый, найден у с. Никольское в Орловской губернии, 2 половина XIII – 1 половина XIV вв.;

5 – золоченый, с серебряными заклепками по медной обтяжке на полумаске, из кочевнического кургана в правобережье р. Прут, восток Румынии, время то же; 6 – с золотыми узорами, из золотоордынского кочевнического кургана – погребения половецкого хана в урочище Таганча, Поросье, середина – 3 четверть XIII в.; 7 – шлем из Киева, середина XIII в.;

8 – деталь шлема из городища в Хмельницкой области, юго-западная Украина, середина XIII в.;

9 – шлем, хранящийся в Народном музее в Кракове (место находки неизвестно), середина XIII–XIV вв.;

10 – с золотым декором с восточно-христианскими мотивами, из кочевнического кургана в румынской Молдове, работа мастеров Даниила Галицкого по монгольскому образцу, середина – 2 половина XIII в.;

11 – русский шлем (1 половина XIII в.) с чеканным серебряным декором, поверх которого в середине XIII в. наклепано монгольское забрало-полумаска, найден вместе с кольчугой
у с. Лыково в районе дворцового комплекса Боголюбово, вероятно принадлежал великому князю Андрею Ярославичу и брошен им в 1252 г. после неудачного столкновения с карательной золотоордынской армией под Переславлем-Залесским;

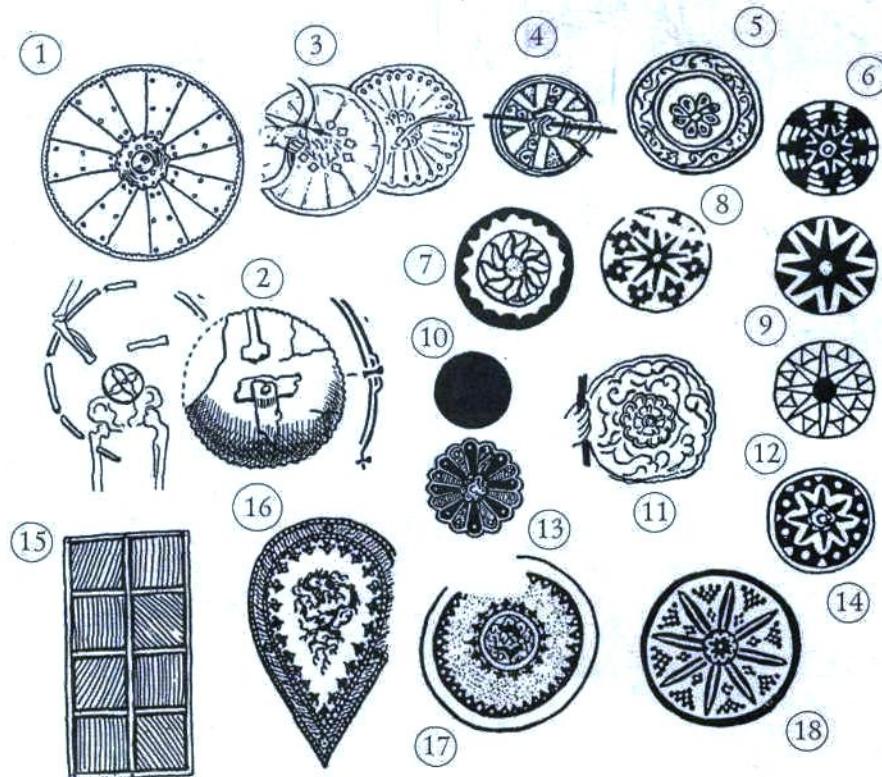
12 – 14 – с тебризских миниатюр рукописи «Шах-намэ» из бывшей коллекции Демотта, 30-е гг. XIV в.

МОНГОЛЬСКИЕ ШЛЕМЫ С ЗАБРАЛАМИ-ЛИЧИНАМИ, XIII—XIV вв.

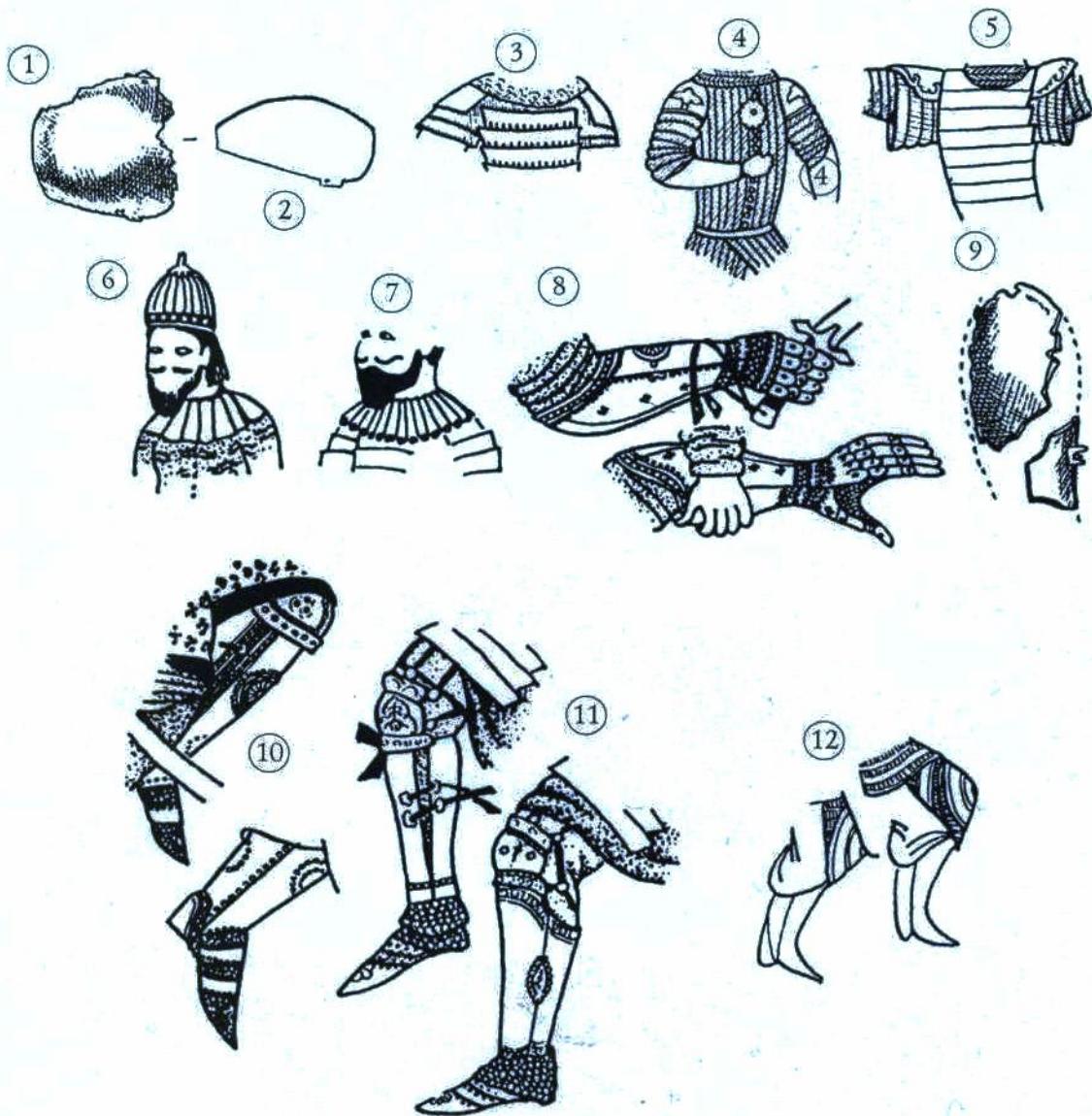
1-5 – из золотоордынских погребений, середина XIII – 1 половина XIV вв.;
 1 – наголовье под личину, частичная реконструкция М.В.Горелика, частная коллекция;
 2,4 – из кочевнических курганов у сел Ковали и Липовец, Поросье;
 3 – из Татарстана;
 5 – из кочевнического кургана у с. Ротмистровка, Нижнее Поднепровье;
 6 – с багдадской миниатюры, начало XIV в.;
 7 – с тебизской миниатюры середина XIV в.

МОНГОЛЬСКИЕ щиты XIII—XIV вв.

1 – железный щит из Хорезма, XIII в.;
 2 – из золотоордынских погребений в северо-западном Предкавказье и нижнем Поднепровье, 2 половина XIII—XIV вв.;
 3 – с тебизских миниатюр, начало XIV в.;
 4,5 – с тебизских миниатюр 1314 г.;
 6,7,9 – с ширазских миниатюр 1331 г.;
 8,12 – с ширазских миниатюр 1333 г.;
 10,11,13 – с тебизских миниатюр 30-х гг. XIV в.;
 14 – с ширазской миниатюры 1341 г.;
 15 – с картины японского художника Тоса Нагатака «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г.;
 16-18 – с тебизских миниатюр 1370 г.

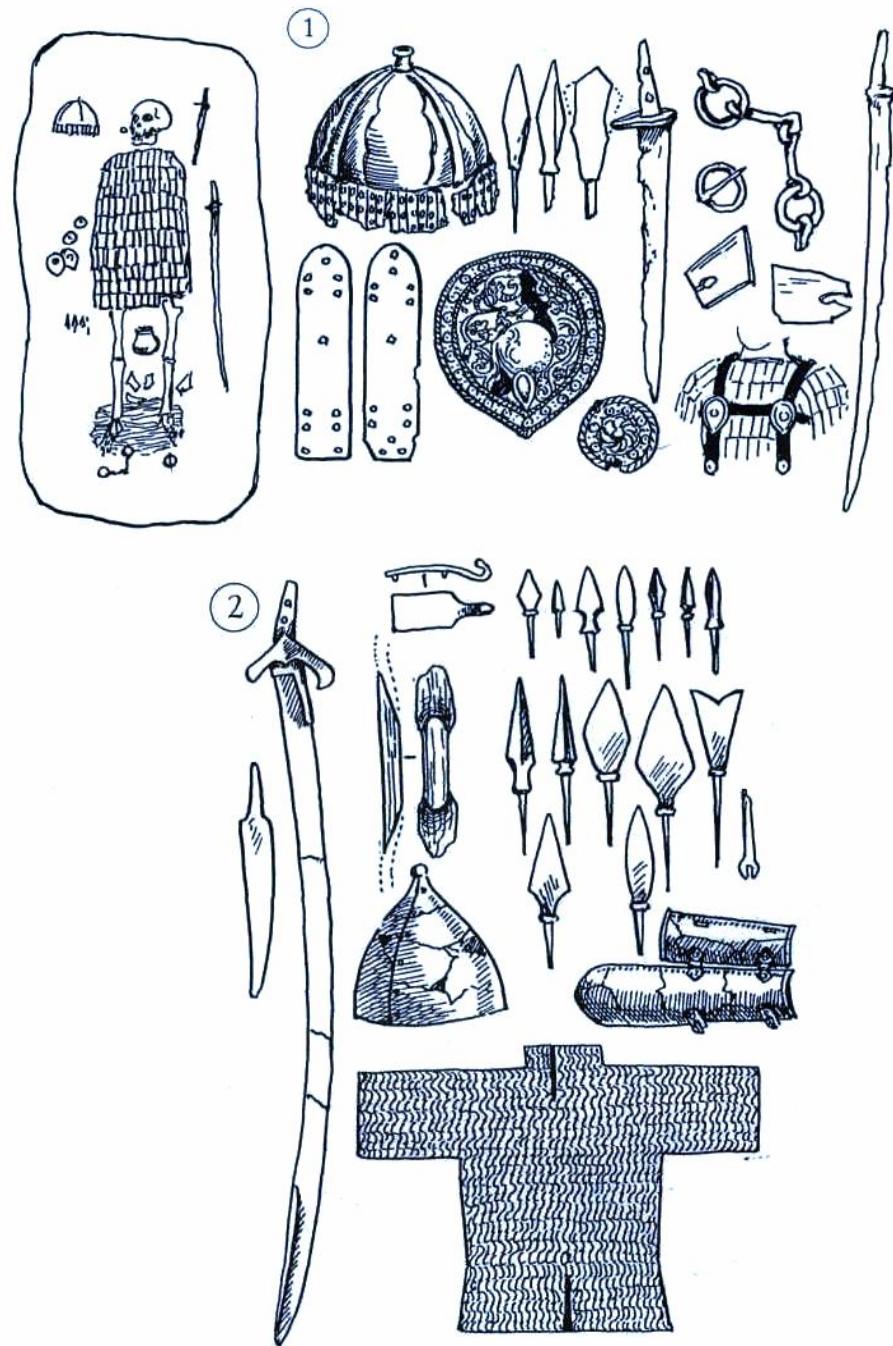

ЗАЩИТНЫЕ ДЕТАЛИ МОНГОЛЬСКОГО ДОСПЕХА, XIII – начало XV вв.

1 – наплечник из кочевнического кургана в Венгрии, 2 половина XIII – начало XIV вв.;
 2 – наплечник, с тебризской миниатюры 30-х гг. XIV в.; 3 – наплечники, с тебризской миниатюры 30-х гг. XIV в. 4 – наплечники, с тебризской миниатюры 1370 г.;
 5 – наплечники, с гератской миниатюры, начало XV в.; 6-7 – металлические ожерелья, с тебризских миниатюр 1370 г.;
 7 – створчатые наручи с пластинчато-кольчужными перчатками, с тебризской миниатюры 1370 г.;
 9 – остатки створчатого наруча из золотоордынского погребения в Молдавии, конец XIII – 1 половина XIV вв.;
 10,11 – створчатые поножи с кольчужно-пластинчатым прикрытием стопы, с тебризских миниатюр 1370 г.;
 12 – кольчужно-пластинчатые набедренники, с багдадской миниатюры 1396 г.

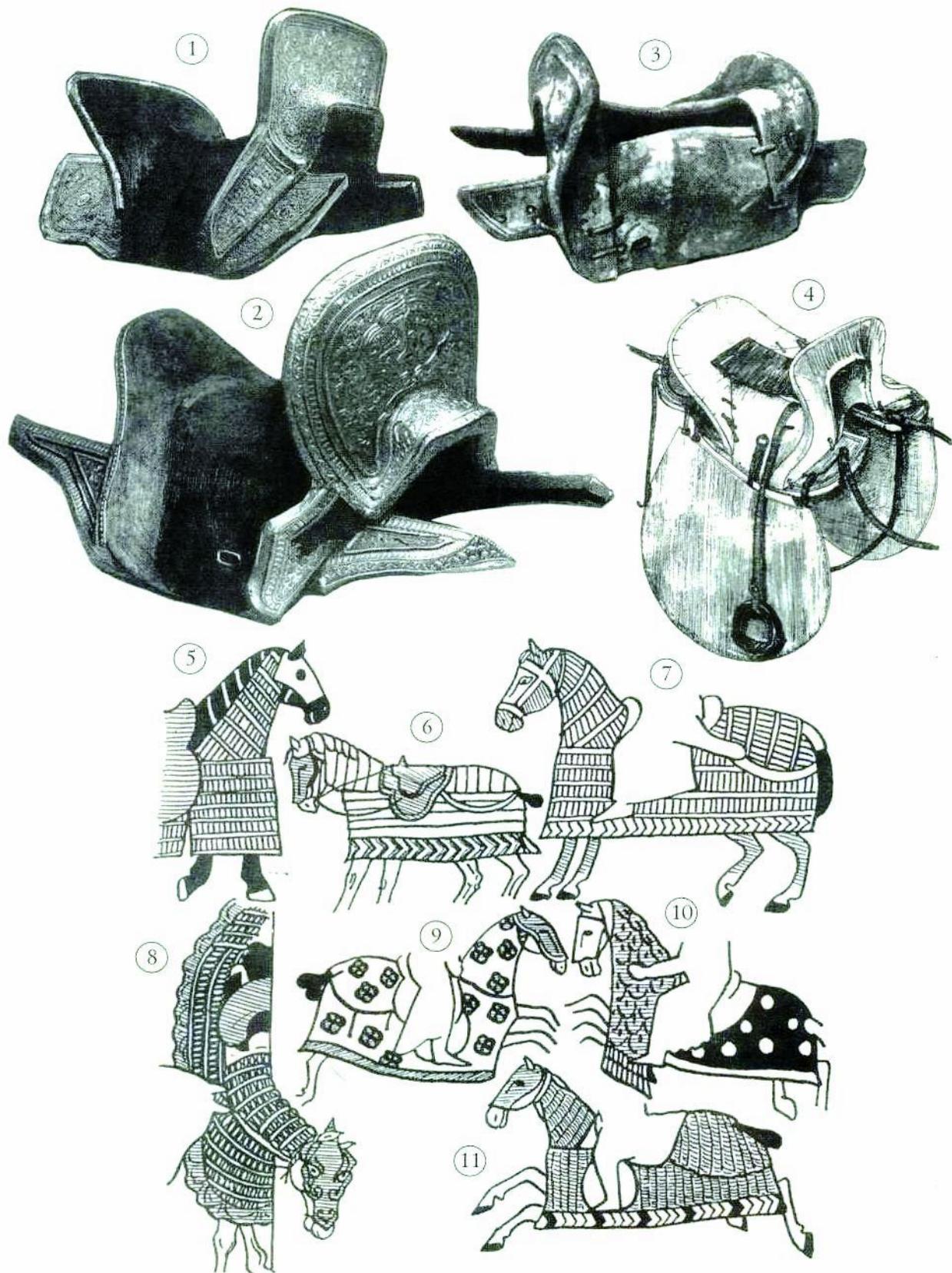
КОМПЛЕКСЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

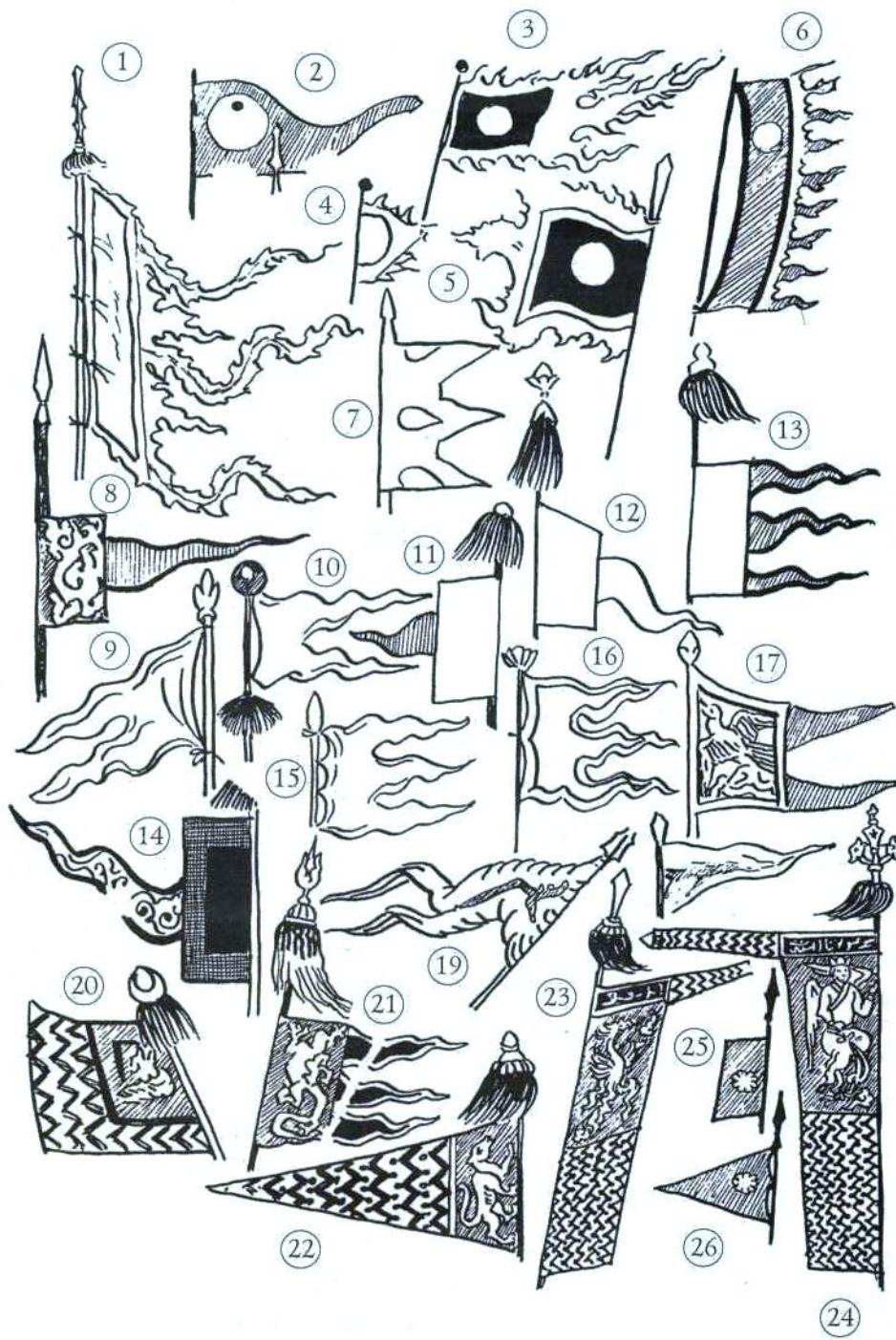
1 – из погребения в южном Приуралье, 2 половина XIII в.;
 2 – из погребения в Ингушетии, с монетами, начала XV в.

СНАРЯЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО БОЕВОГО КОНИЯ XIII–XIV вв. →

1 – седло с золотыми чеканными накладками из коллекции Нассера Д. Халили, 2 половина XIII в. (реконструкция);
 2 – седло с золотыми чеканными накладками из погребения во Внутренней Монголии (КНР), середина XIII в. (реконструкция);
 3,4 – седла из родовых погребений в Монголии (4 – реконструкция К.Ураи-Кёхалми, Венгрия);
 5 – с багдадской миниатюры, начало 40-х гг. XIV в.; 6 – с ширазской миниатюры 1341 г.;
 7 – с ширазской миниатюры 1331 г. 8 – с тебризской миниатюры 30-х гг. XIV в.;
 9-11 – с ширазской миниатюры 1340 г.

ИЗОБРАЖЕНИЯ
МОНГОЛЬСКИХ БОЕВЫХ
ЗНАМЕН И ЗНАЧКОВ
XIII–XIV вв.

1 – с китайской картины эпохи Юань;
2-6 – с картины японского художника Тоса Нагатака «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г.;
7-26 – с иранских миниатюр XIV в.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Е.Лунали. Цидань го чжи («История государства киданей»). Перевод, введение, комментарии и приложение В.С.Таскина. М., 1979

Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д.Дылыкова. М., 1981

Книга Марко Поло. Перевод И.П.Минаева. М., 1955

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Перевод Н.А.Шастиной. М., 1965

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Перевод А.Н.Арендса. Т.1, кн.1,2, М. – Л., 1952; Т.2, М. – Л., 1960; Т.3, Л., 1946

«Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 г. Перевод С.А.Козина. М. – Л., 1941

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1, СПб, 1884; Т.2, М. – Л., 1941

ИССЛЕДОВАНИЯ

Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех. – Третий международный конгресс монголоведов. Улан – Батор, 1978, Т.2

Горелик М.В. Монголо – татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983

Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центрально – азиатской изобразительной традиции. – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып.7. М., 1984

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX–1 половина XVI в.). – Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987

Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро – монголов) – Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана. – Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Т.3. М., 1995

Д'Оссон К. История монголов от Чингиз – хана до Тамерлана. Чингиз – хан. Иркутск, 1937

Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголов – татар и среднеазиатских народов при Чингиз – хане и Тамерлане. СПб, 1875

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. СПб, 2000

Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII вв. – Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980

Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») – Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнamentированными обкладками на территории евразийских степей. – Города Поволжья в средние века. М., 1974

Федоров – Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966

Худяков Ю.С. Вооружение центрально – азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск, 1997

Шавкунов В.Э. Вооружение чжуцзиней XII–XIII вв. Владивосток, 1993

Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art. – Islamic Arms and Armour. London, 1979

Robinson H.R. Oriental armour. London, 1967

Thordeman B. Armour from the battle od Wisby 1361. Stockholm, 1939

Китайская Внутренняя Монголия. Выставка искусства северных кочевников. Токио, 1984 (на японском и монгольском языках)

Могилы династии Ляо в знамени Аохань, аймаках Шацзягоу и Да-хэгоу, Внутренняя Монголия. – Каогу («Археология»), 1987, № 10 (на китайском языке)

Раскопки ляоской гробницы № 2 у Хэлюодунту, уезда Кангин, провинции Ляонин. – Каогу, 1988, № 19 (на китайском языке)

Три гробницы династии Ляо, раскопанные в Дайинцзы около Чифэна. – Каогу сюэбао («Археологическое обозрение»), 1956, № 3 (на китайском языке)

Чжан Баочжун. Киданьская могила в Хусынао, аймак Кэцэоухоуши. – Вэнь («Культура»), 1983, № 9 (на китайском языке)

Чжоу Вэй. Очерк истории оружия Китая. Пекин, 1957 (на китайском языке)

Подписано в печать 06.05.02. Гарнитура AcademyС. Формат 60x90/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Первый завод 1000. Заказ 13505.
ООО «Восточный горизонт»
Лицензия ЛР № 065061 от 24 марта 1997 г.
Верстка и вывод фотоформ ЗАО Редакция журнала «Техника—молодежи»
125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а.
Тел.: 234—1687
Отпечатано в типографии ООО «Восточный горизонт».
Тел.: 218—5064.

**Горелик М. Армии монголо-татар
Х—XIV веков.
Воинское искусство, снаряжение, оружие
М., ООО «Восточный горизонт», 2002. — 84 с.**

Издательский дом «Техника—молодежи» и ООО «Восточный горизонт» предлагают уникальное историко-художественное и научно-популярное издание. Эта книга — результат более чем 35-летних исследований известного специалиста по военному делу, материальной и художественной культуре древних и средневековых народов Евразии Михаила Викторовича ГОРЕЛИКА. Он впервые с максимальной полнотой осветил яркую и важную тему мировой истории — военное дело и вооружение монгольских империй X—XIV вв., составил самый полный свод предметов боевого снаряжения киданей, монголов и татар, а также соседних с ними народов. Уникальные цветные реконструкции автора всесторонне и живо отражают их военный быт.

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

«ТЕХНИКА-МОЛОДЕЖИ»